

Moser H. Annalen der deutschen Sprache von den Anfängen bis zur Gegenwart. 2. Aufl. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1963.

Thierfelder F. Deutsch als Weltsprache. 1. Band. Die Grundlagen der deutschen Sprachgeltung in Europa. Berlin: Verlag für Volkstum, Wehr und Wirtschaft. Hans Kurzeja in Berlin, 1938.

Verdoodt A. Zweisprachige Nachbarn. Die deutschen Hochsprachen — und Mundartgruppen in Ost-Belgien, dem Elsaß, Ost-Lothringen und Luxemburg. Wien, Stuttgart, 1968.

Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems // Publications of the Linguistic circle of New York. № 1. 1953, p. 53–86.

Zimmer R. Dialekt — Nationaldialekt — Standardsprache. Vergleichende Betrachtungen zum deutsch — französischen Kontaktbereich in der Schweiz, im Elsaß und in Luxemburg // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. H.2, 1977, S. 145–157.

Л. В. Ле Пэр-Зубкова

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В НИДЕРЛАНДАХ И БЕЛЬГИИ: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА БЕЗ ПОЛИТИКОВ?

«Свобода без внутреннего чувства меры и традиции — еще хуже, чем клише», — эти слова (1926), принадлежащие известному литературному критику и лирическому поэту Яну Энгелману, выбиты на мостовой его родного города Утрехта. Мне, живущей здесь уже более шести лет, они попались «под ноги» лишь недавно, когда я всерьез стала присматриваться и прислушиваться к культурно-речевому своеобразиею центра Голландии, готовя материал о языковой политике в этой части Европы, по просьбе Е. П. Челышева. Указанная надпись, словно для иллюстрации заложенного в ней онтологического смысла, располагается напротив модного коффи-шопа, где каждый человек старше 18 лет может совершенно легально отведать марихуану, гашиш и еще с десяток «мягких» наркотиков. И это в двух шагах от Домского собора (середина XIII века), посреди Старого града с его тщательно сохраняемыми средневековыми зданиями и живописными каналами. В образцовом порядке содержатся и обнаруженные тут же остатки римской крепости 48 года, стоявшей на месте Домской площади в то время, когда город носил античное название *Traiectum* (то есть «Путь» за Рейн), а местное население обозначалось словом *Duits* («люди, племя», то есть неримляне — отсюда английское *Dutch* «голландцы» и немецкое *Deutsche* «немцы»).

Говоря о свободе, поэт, конечно, имел в виду свободу творчества, но также и свободу волеизъявления личности, что издавна составляет важную ценность и необходимое условие социального взаимодействия в сознании нидерландского общества (по-голландски слово «общество» — *samenleving* — означает буквально «совместное проживание», что акцентирует скорее социальное действие, нежели идентичность социума). В Голландии, стране демократической, так сказать, от природы, свободы во все времена было больше, чем в других государствах Европы. Когда в 1608 году, спасаясь от диктата официальной англиканской церкви, сюда из Англии прибыли отцы-пилигримы, они нашли здесь даже излишне много свободы: дети протестантов играли на улицах с детьми католиков и иудеев, классовые и расовые перегородки были неотчетливы, торговое сословие и в целом средний класс доминировали в такой степени, что даже протестант-

ское население не проявляло к благородным единоверцам должного почтения. В конце концов отцы-пилигримы решили эмигрировать в Америку, в 1620 году они высадились в голландской фактории Новый Амстердам (соврем. Нью-Йорк) и начали осуществлять там «свободу по-своему». Другой английский аристократ, посетивший Голландию в 1623 году, с возмущением констатировал отсутствие порядка и хороших манер в обществе, вызванное «эгоистическим стремлением голландцев лишь к двум вещам — деньгам и свободе» (Kees van Strien, 1999.).

Путешественникам того времени присущий голландскому быту «стихийный» демократизм казался возмутительным беспорядком, абсурдом в политической системе европейских монархий, базировавшейся на строго иерархических принципах. И сейчас иностранцев, работающих в нидерландских штаб-квартирах фирм-гигантов, таких как «Шелл», «Филипс» или «Акзо Нобель», поражает, а в иных случаях шокирует, отсутствие у их голландских коллег пиетета перед начальством и полное неприятие служебной субординации. Мне не раз доводилось слышать мнение, что в этой стране «моральной вседозволенности» отсутствует эффективный механизм, регулирующий социальные отношения, и слабо выражены силы, противостоящие хаосу. Однако это, по всей видимости, заблуждение. Не зная абсолютистского режима, не веря ни в какие авторитеты свыше, население выработало поразительную способность к самоорганизации перед лицом опасности регулярных наводнений и иных природных катастроф. Делается это при помощи всепроникающей системы установлений и правил, руководством служит упомянутое «внутреннее чувство меры и традиции». Правила существуют чуть ли не на все случаи жизни, озадачивают своим числом и дотошностью даже людей, привычных к бюрократическому крючкотворству в авторитарных государствах. Правда, арбитром в спорных вопросах здесь обычно выступает не «принцип», а здравый смысл в применении к данному конкретному случаю, логика общественной практики. Именно последняя дает исходный импульс, приводящий в действие правительственные и законодательные органы. Законодательная деятельность в области языка также определяется потребностями жизни.

Нидерланды можно назвать с известными оговорками страной эмигрантов, так как она всегда была терпимой к потокам беженцев, спасающихся от религиозных, расовых или политических преследований. Эмигранты прошлых эпох играли позитивную роль в экономике, обогащали культуру и язык страны своими традициями. Отсюда, вероятно, так много заимствований в нидерландском словаре, в том числе тех, что сохранили оригинальное написание. Одна деталь в вышеприведенном высказывании Яна Энгелмана хорошо иллюстрирует данную особенность словоупотребления. Французское «клише» не только не заменено здесь на адекватное нидерландское словосочетание типа «избитая фраза», но передано в своем оригинальном варианте (с конечным *accent aigu*). И это далеко не редкий случай терпимости нидерландского языка к ино-

Имея главный интерес в международной торговле, нидерландцы охотно изучали другие языки. Не так давно знание английского, французского и немецкого считалось обязательным в пакете полного среднего образования. Приехав в Нидерланды, я могла общаться с людьми и далее преподавать (тамильскую литературу) по-английски, не чувствуя необходимости браться за труднопроизносимый голландский («не язык, а болезнь горла», как отзывался о родном языке один государственный деятель). Однако некоторое время спустя я поняла, что владение голландским языком является здесь чуть ли не единственным показателем принадлежности к «своим» — дискриминация по цвету кожи (форме носа и т. п.) считается непозволительным варварством. При этом известно, что нидерландцы отнюдь не являются патриотами «родной речи» (Donaldson, 1983: VII) и что у них ослаблено чувство национальной идентичности.

Эти личные наблюдения мне хотелось бы предпослать очерку лингвистической ситуации в Нидерландах и Бельгии, который, впрочем, не претендует на научную полноту, поскольку я не являюсь специалистом в данной области.

Нидерландский (или голландский) язык является родным для 14 миллионов жителей Нидерландов и 6 миллионов так называемых фламандцев, живущих в Бельгии (где остальные 4 миллиона жителей говорят на французском), а также для 150-тысячного, преимущественно сельского, населения французской Фландрии. Кроме того, это официальный язык Республики Суринам и ряда стран Антильского архипелага. На голландском говорят в Индонезии (в прошлом колонии Нидерландов) и в Южно-Африканской Республике, где 5 миллионов человек считают своим родным языком африкаанс, унаследованный от первых голландских поселенцев (XVII век). Нужно также отметить, что в 1950-е годы, когда экономика страны все еще не оправилась от потерь, связанных с войной, сотни тысяч людей эмигрировали из Нидерландов и осели в Канаде, США, Австралии, ЮАР, Новой Зеландии. Многие из них сохранили родной язык в общении с соплеменниками.

Таким образом, представление о нидерландском как одном из «малых» языков Европы является поверхностным. Он служит средством практической коммуникации для большого числа людей в нескольких странах мира. Другое заблуждение состоит в том, что нидерландский называют, даже в иных научных работах, «германским диалектом», тогда как это отдельный язык западногерманской группы (куда входят также немецкий, английский и фризский). А вот фламандский, вопреки бытующему мнению, не является ни отдельным языком, ни диалектом; это все тот же нидерландский, на котором говорят в бельгийской Фландрии.

Интересно посмотреть, как отражен статус нидерландского в основном законе двух европейских стран, где он является национальным языком большинства населения. Так вот, в Конституции Королевства Нидерландов он

ты говорили: «А зачем это делать в Конституции?» — люди здесь из поколения в поколение говорят и пишут по-голландски, они и так знают, что это основной язык страны (landstaal). Что же касается официальных полномочий государственного языка (staatstaal) в его взаимоотношениях с региональным фризским языком, то это надо искать в разного рода документах административного, частного или публичного законодательства.

В Конституции Королевства Бельгии речь идет скорее не о языке, а о лингвистических территориях и общинах. Поскольку эти территории — основа федералистского устройства страны, данному вопросу отведен первый раздел Конституции. Ниже я привожу перевод (с французского) этого раздела, озаглавленного «Бельгийская федерация, ее состав и ее территории»:

«Статья 1

Бельгия — федеральное государство, состоящее из (этнических) общин и районов.

Статья 2

Бельгия включает три общины: фламандскую, франкоязычную и немецкоязычную.

Статья 3

Бельгия включает три района: Фламандский, Валлонский и район Брюсселя.

Статья 4

Бельгия включает четыре лингвистические территории: нидерландскую, франкоязычную, двуязычную территорию в районе (столицы страны) Брюсселя и немецкоязычную.

Каждая община Королевства является частью одной из этих лингвистических территорий.

Границы четырех лингвистических территорий не могут быть изменены или скорректированы иначе, как по закону, принятому большинством голосов в каждой языковой группе каждой Палаты, при наличии абсолютного большинства членов парламента в каждой из этих языковых групп и при результате две трети «за» из числа поданных голосов.

Статья 5

Фламандский район состоит из следующих провинций: Антверпен, Лимбург, Восточная Фландрия, Фламандский Брабант и Западная Фландрия.

Валлонский район охватывает провинции Хейнегауэн (Ханнаут), Ляук (Льеж), Люксембург (на самом юге Бельгии. — *Авт.*), Намен и Валлонский Брабант.

В случае надобности территория может быть законным порядком поделена на большее число провинций.

Закон может отменить деление на провинции в определенных районах, границы которых он устанавливает, и поместить эти районы в непосредственное управление федеральной исполнительной власти, придав им соответствующий статус. Подобный закон должен быть принят

Статья 6

Подразделения в провинциях могут быть установлены лишь посредством закона.

Статья 7

Границы государства, провинций и лингвистических территорий не могут быть изменены или скорректированы иначе, как силой закона» (La Constitution Belge, 1994).

Добавим, что немецкий — официальный язык в двух бельгийских кантонах, Еупен и Сент-Вит, на нем говорят также жители районов Малмеди и Монтзен, но там он не пользуется официальным статусом. Франкофонная община приняла декрет, признающий правомочия различных вариантов валлонского наречия, а также распространенный вокруг Ареля (Arlon) люксембургский язык.

Что касается последнего, то это национальный язык Великого герцогства Люксембург, не имеющий, однако, статуса рабочего языка в инстанциях Европейского союза. Французский — тоже официальный язык Люксембурга, он широко употребляется в науке и политике, но основным коммуникативным средством на письме является немецкий.

Каждая обозначенная законом этнолингвистическая община Бельгии, как полноправный член федерации, пользуется во всех жизненных сферах своим собственным языком, преподавание также ведется на национальном языке, а язык соседей входит в число обязательных учебных предметов. Языковую политику внутри этнических общин определяют местные органы управления, на общегосударственном уровне решения принимаются сообща всеми субъектами федерации, решающую роль при этом играют общественные организации. Однако лингвистическую ситуацию в Бельгии нельзя назвать однозначно благополучной, вследствие серьезных трений между фламандцами и франкоязычными валлонцами, где камнем преткновения является статус нидерландского языка и его носителей. Суть проблемы трудно понять без знания исторических фактов, обусловивших ее возникновение. Мы коснемся этого ниже.

В отличие от билингвальной (по большей части) Бельгии, Нидерланды — страна унитарная в лингвистическом отношении, чем и объясняется отсутствие специальной статьи в ее основном законе. Но и здесь при ближайшем рассмотрении можно обнаружить немало противоречий разного плана: между местными диалектами, между разговорной речью и письменной нормой, между официальным нидерландским языком и языком региональным — фризским.

Удивительно, как на сравнительно небольшой площади (41 тыс. кв. км) при высокой плотности населения и весьма приличном уровне образования в Нидерландах помещаются по меньшей мере 28 отличных друг от друга наречий. Диалекты, представляющие собой речевой континуум, часто бывает трудно отграничить друг от друга. Они принадлежат в основном к двум группам, саксонской и франконической (не путать с историческими названиями кантонов). Первая распространена в южной части страны,

северо-запада на юго-восток, от озера Эйсселмиер (ранее Zuiderzee, то есть Южное море) до границы с Германией, чуть севернее города Арнема. Конечно, не каждый местный вариант нидерландского может считаться отдельным диалектом, для этого он должен иметь особое произношение, словарный состав и т. п. Франконические диалекты, играя важную роль в речевом разнообразии Нидерландов и отчасти Бельгии, отвечают этим условиям. Среди них особенно выделяются голландский (провинции Северная Голландия, Южная Голландия, а также Утрехт), зelandский (Зеландия и Зеландская Фландрия в Нидерландах, Восточная Фландрия в Бельгии), брабантский (Северный Брабант в Нидерландах, Восточная Фландрия в Бельгии, а также Антверпен и север Бельгийского Брабанта) и лимбургский (Нидерландский Лимбург, Бельгийский Лимбург).

Диалектальная ситуация в Бельгии гораздо сложнее и запутаннее, поскольку большинство фламандской общины усваивает местный диалект дома (западнофламандский, восточнофламандский, брабантский, лимбургский), прежде чем перейти на стандартный нидерландский язык, основу которому в свое время положил «голландский» диалект. Концепт стандартной нормы, в силу историко-культурных обстоятельств, не определен в Бельгии так четко, как в Нидерландах.

Диалектология имеет в Нидерландах давнюю традицию. Еще в 1879 году Географическое общество произвело анкетирование и устные опросы населения и стало составлять диалектальные атласы. Эта работа сейчас ведется сотрудниками Фонда нидерландских диалектов и рядом исследовательских институтов в Амстердаме (B.J. Meertens Instituut voor Dialectologie, Volkskunde en Naamkunde) и Гронингене; с 1991 года проводятся Дни диалектов, включающие научные конференции и просветительские мероприятия с целью знакомства молодежи с культурой и историей различных провинций. Главное периодическое издание по нидерландской диалектологии «Язык и акцент» (Taal en Tongval), основанное в 1947 году, выходит в Бельгии. Последнее анкетирование, проведенное в июле 1994 года, на основе примерно 10 000 анкет, собранных у людей пяти возрастных категорий (начиная с рожденных до 1916 года и кончая теми, кто родился после 1971), показало две особенности: то, что развитие в общем идет в направлении стандартизации языка и устной речи и родители все больше и больше отходят от диалекта в общении с детьми, а также то, что «диалект во Фландрии удерживает гораздо более твердые позиции, чем в Нидерландах» (Dialect in Beweging, 1995: 11).

Получается, что забота о сохранении самобытности и разнообразия разговорных форм, призывы бережного и экономного обращения с живой тканью языка вступают в противоречие со все большей унификацией современных коммуникативных средств, которую по необходимости должно осуществлять правительство. Коммуникативная и информационная ценность языка сильно зависит от единства терминологии, от единообразия смысловых интерпретаций. Бытующие в различных районах разговорные формы сопротивляются давлению отщепеняющего их языка по-

литических и экономических центров власти, но не выдерживают конкуренции. Ведутся дебаты, до каких пределов власть может вмешиваться в речевую практику граждан. Всеобщая конференция нидерландского языка, проходившая в декабре 1989 года, была посвящена теме «Забота о языке: правительство и гражданин» (Taalzorg: Overheid en Burger).

Признавая, что нормативный диктат есть черта, не имманентно присущая языку, а навязанная извне и что жизнь языка и языковая политика в принципе столь же несовместимы, как «вода и огонь», представители научных, общественных и правительственных органов Нидерландов и Бельгии пришли к выводу о приоритете процессов стандартизации на сегодняшний день, особенно по трем категориям: правописания, произношения и словоупотребления. Упорядоченный язык — продукт не природы, а культуры, результат своего рода коллективного договора людей, на нем говорящих. Исходя из аксиоматического определения Ф. де Соссюром языка как социального института, конференция подчеркнула ответственность правительства за рациональную и сбалансированную языковую политику, с оговоркой, что такая политика правомочна лишь в отношении языка «официального», но не «натурального», то есть повседневной речевой практики (Taalzorg, 1990: 19–20).

Официальная языковая норма (standaardtaal, cultuurtaal), имеющая хождение в Нидерландах и Бельгии под названием «общекультурный нидерландский» (Algemeen Beschaafd Nederlands, сокращенно: ABN), не есть современный концепт. И хотя местом его рождения является территория современного центра Нидерландов (randstad — западноголландская конурбация, включающая Утрехт, Амстердам, Гаагу и Роттердам), у колыбели ABN стояли также многие прославленные деятели фламандской культуры. Данное обстоятельство может служить некоторым утешением для тех бельгийцев, которые испытывают неудобство от необходимости возводить название своего языка и, следовательно, свою национальную идентичность к культурному истоку, находящемуся в другой стране.

Голландию и Бельгию не всегда разделяла государственная граница. В 1477 году эти территории перешли во владение династии Габсбургов, и при императоре Карле V (1519–1555) они составили Семнадцать Соединенных Нидерландских Провинций. После раздела империи Карла V они оказались под властью испанского короля. Жители Северных провинций, где распространился протестантизм, восстали против авторитарной власти и начали Восьмидесятилетнюю освободительную войну (1568–1648), в результате чего возникла буржуазная республика; католический юг еще долго оставался под иностранным господством.

Первые дошедшие до нашего времени тексты из этой части Европы были написаны в конце XII века на лимбургском диалекте с использованием латинского алфавита. Латынь, как важное наследие римской католической церкви, доминировала в сфере образования и администрации, сохраняя в течение столетий статус официального, культурного, письменного языка. Но с ростом городов, богатейших от развития морской

торговли и ремесел, с возвышением средних сословий и буржуазии документы все чаще составлялись на понятном всем местном наречии. Эпоха Возрождения ознаменовала развитие наук и образования — из латинских школ, находящихся в ведении Церкви, выросли первые университеты (фламандский Католический университет Лувена открылся в 1425 году). В середине XV века в Нидерландах началось книгопечатание: Лауренц Костер из Харлема (близ Амстердама) запустил в работу печатный пресс со сменяющимся шрифтом — и даже высказывались мнения, что он опередил Иоганна Гутенберга из Майнца. Во всяком случае, книгопечатание здесь сразу же завоевало рынок, чего нельзя сказать о средневековой Германии, где не было свободы слова. С 1470 года печатается множество глоссариев, вокабуляров и терминологических списков. В Антверпене знаменитый печатник Плантен издает фундаментальный голландский «Словарь» (1573), а его помощник Корнелис Килиан — «Этимологию» (1599), положив начало богатой лексикографической традиции.

Ранние гуманисты в Европе разделяются на две группы: одни, как Эразм Роттердамский, живший на рубеже XV–XVI веков, писали исключительно на ученой латыни, другие, не менее сведущие в классической филологии, предпочитали свой родной язык. Великий фламандский инженер и математик Симон Стевин, эмигрировавший на север во время Восьмидесятилетней войны, написал трактат «О ценности голландского языка» (1586) и создал совершенно новый, не опирающийся на классические языки, математический словарь, который используется до сих пор. В середине XVI века на голландском появляются труды по разным отраслям знания: ботанике, астрономии, медицине и т. д.¹ На публичных собраниях в так называемых риторических палатах (*rederijkerskamers*) состоятельные бюргеры состязаются в красноречии и читают вслух свои литературные опыты. Это также стимулирует общественный интерес к вопросам упорядочения местных диалектов, правописанию и грамматике.

С момента падения Антверпена и начала Восьмидесятилетней войны началась массовая эмиграция респектабельных протестантских и еврейских семей на север — в 1622 году в Амстердаме 30% жителей были недавними переселенцами из Фландрии и Брабанта. Влияние этих людей, занимавших высокое положение в торговле, образовании, армии и Церкви, на лингвистическую ситуацию имело своим последствием рождение «общекультурного нидерландского языка» от обогащенного фламандскими элементами голландского диалекта. Его эталоном стал Государственный перевод Библии (*Statenbijbel*, 1637).

Граждане Нидерландской Республики (начало которой было положено Пактом Утрехта в 1579 году) рано поняли, что расовая и религиозная терпимость несет экономике больше выгод, нежели политика диктата и притесне-

¹ Парадоксально, что нидерландцы, имея в речевом обиходе колоссальное количество иностранных заимствований, остаются пуристами, когда дело касается научного словаря, предпочитая, например, чисто голландские термины для обозначения таких дисциплин, как химия, физика, математика и география.

ний. Действительно, имевший место в конце XVI–XVII веков приток настоятельных беженцев — включая французских гугенотов, иберийских евреев и др. — обусловил расширение международных связей Нидерландов, материальное процветание населения, небывалый расцвет культуры. В этот период голландского Золотого века нидерландский язык, следуя за кораблями самого большого в мире флота, проникает в далекие заморские страны — в Южную Америку, Западную Африку, Индию, Тайвань и Японию.

Поскольку голландцы, в отличие от испанцев, португальцев, французов и особенно англичан, хотели не колонизировать новые земли, а торговать с ними и потому редко оседали надолго в своих торговых пунктах — факториях, проследить их лингвистическое присутствие в этих странах сейчас трудно. За исключением Антильских островов, Индонезии, Суринама и Южной Африки, получившей самую большую долю от лингвистического наследия, оставленного заморской империей Нидерландов. Кстати, последняя в ряду этих земель была практически необитаемой, когда в 1652 году ее открыл мореплаватель Ян ван Рибек, и сделалась колонией против желания и намерений пославшей его Голландской торговой компании (*Verenigde Oostindische Compagnie*), которая хотела лишь иметь факторию в Каапстаде (в английском переводе: *Capetown*).

В североамериканской фактории Нью-Амстердам и на примыкающей материковой территории, которые находились в руках голландцев с 1624 по 1664 год и назывались тогда Новыми Нидерландами, осело много колонистов, оставшихся там и после прихода англичан. Потомки первых голландских колонистов составляли элиту нью-йоркского общества, большинство населения города говорило на нидерландском вплоть до середины XVIII века, а фамилии Рузвельт и Вандербильт вошли в историю США. Старые карты Нью-Амстердама показывают, что современные Уолл-стрит, Бродвей, Лонг-Айленд есть оригинальные голландские названия в переводе на английский; названия Бруклин, Гарлем, Статен-Айленд также являются лингвистическим напоминанием о голландском происхождении Нью-Йорка (Donaldson, 1983: 110.). Не многие знают, что главная американская денежная единица также восходит к голландскому слову *daalder* — монета в полтора гульдена (ист. *талер*), — причем данное соотношение гульдена и доллара, установившееся естественным образом в 1774 году, когда вследствие Декларации независимости бывшая британская колония ввела собственную валюту, в основном сохранилось до нашего времени.

Существуют и другие свидетельства того, что, закладывая фундамент экономической системы в демократической республике, основатели американской нации имели перед глазами ее прототип в виде буржуазной Республики Соединенных Нидерландов (*Republiek der Verenigde Nederlanden*), высшая власть в которой принадлежала Генеральным штатам (*Staten-Generaal*) — собранию сословных представителей. Отметим, что скорее именно это регулярно действующее, с 1576 года и поныне, сословное представительство было первым в Европе парламентом демократического типа, а не британский вариант («мать парламентов»).

Причина, по которой так трудно обнаружить следы влияния Нидерландов на заморские страны, кроется отчасти в истории англо-голландского соперничества, начавшегося при Кромвеле в середине XVII века и приведшего к ряду войн между этими странами¹. Осуществляя политику колониальной экспансии по всем направлениям, включая культуру и язык, англичане постарались всюду, где бы они ни появлялись, вытравить память о более раннем голландском присутствии. Однако даже им не удалось избежать проникновения в английский словарь голландских морских и корабельных терминов. Аналогичным образом парусное судоходство и в целом морское дело в России немыслимы без ставших привычными нидерландских заимствований².

Лингвистическая история южных провинций развивалась по совершенно иному сценарию. Фландрия и Брабант находились под иностранным господством (отсюда названия Испанские Нидерланды, затем Австрийские Нидерланды); будучи отрезанными от национальных культурных центров севера, опустошенные Восемидесятилетней войной и массовой эмиграцией, они могли надеяться, самое большее, на сохранение родного языка в прежнем объеме, чем и объясняется доминирующая там позиция лингвистического консерватизма. Даже это представляло трудности, ввиду растущего засилья французского языка: соседство склонной к внешней экспансии Франции, французское происхождение управляющих этими территориями наместников и губернаторов делали владение французским языком обязательным условием успешной карьеры.

В результате фламандские аристократия и коммерческая элита переходили на французский, пользовавшийся статусом официального и даже культурного языка этой этнической общины, ибо он стоял над разговорными диалектами. Интеллектуальная жизнь была в значительной степени галлицизирована, а столичный Брюссель, особенно в период наполеоновской оккупации, превратился в миниатюрную копию Парижа. Театры перестали ставить фламандские пьесы под предлогом вульгарности их языка; всё, за исключением религиозных книг, издавалось по-французски. На нидерландском разговаривали лишь простолюдины.

Распространение французской культуры в Европе было характерной чертой эпохи, но в южных нидерландских провинциях отсутствовал как национальный дух, способный абсорбировать внешние влияния, так и общий язык, способный им противостоять, тем более что французский

¹ Этим объясняется негативный оттенок, какой в английском слове того времени получило слово «голландский», например: Dutch bargain — сделка, выгодная только одной стороне; Dutch comfort — могло быть и хуже, или слабое утешение; Dutch concert — пение, при котором всякий поет свое, «кто в лес, кто по дровам»; Dutch courage — храбрость во хмелью; Dutch treat — угощение, при котором каждый платит за себя; to talk like a Dutch uncle — отечески наставлять, журить; double Dutch — тарабарщина и т. д.

² В самом начале XVIII века Петр Первый, учившийся основам кораблестроения у голландских мастеров Саардама (правильнее: Зандам), ввел в употребление слова: капитан, матрос, мачта, стюборт, бакборт, ахтерштевень, форштевень, трешкот, фоксель, гротсель и многие другие.

даже не ощущался как чужой язык, поскольку на нем говорили валлонцы, составлявшие примерно половину населения. Английский автор, посетивший в конце 1780-х годов Южные Нидерланды, писал, что «французский язык стал общеупотребительным не только в беседах, но и в эпистолярном жанре», и доверительно предсказывал, что «через сто лет французский станет единственным средством общения в этих провинциях» (Brachin, 1985: 26–27). Однако этого не произошло — главным образом потому, что сельская Фландрия пользовалась лишь своим родным языком.

Есть некая поэтическая справедливость в том факте, что Венский конгресс, собравшийся в 1813 году для определения государственных границ в постнаполеоновской Европе, решил вновь объединить Северные и Южные Нидерланды под властью короля Вильгельма I. Просвещенный и энергичный монарх из дома Оранских—Нассау (а также Великий герцог Люксембурга и герцог Лимбурга) считал, что во вверенном его заботам унитарном государстве должен функционировать один язык — нидерландский, на котором говорили 75% населения Королевства Соединенных Нидерландов. Получив контроль над южными провинциями, Вильгельм I отменил все привилегии французского языка в предшествующем законодательстве и принялся составлять печально известные языковые декреты (de Taalbesluiten) о переходе всего официального делопроизводства на нидерландский. Оглашенные в сентябре 1819 года, декреты получили силу закона четыре года спустя, ввиду явно недостаточного количества чиновников, владеющих данным языком.

Антидемократическая языковая политика (taalpolitiek) не могла не вызвать серьезного недовольства населения в южных провинциях, и они предпочли выйти из состава Нидерландов. При этом не случилось ни гражданской войны, ни революционного террора, ни каких-либо иных политических катаклизмов. Так в 1831 году на карте Европы возникло Королевство Бельгия, названное так по имени кельтского племени (Belgae), которое, по свидетельству римлян, когда-то населяло Южные Нидерланды. Конституция страны не выделяла особой роли французского, однако фактически это был единственный язык, используемый в правительстве, юриспруденции, армии и высшем образовании в течение первых сорока лет истории новой нации.

Однако худа без добра, как говорится, не бывает. Пробуждение национального сознания фламандцев в результате возвышения нидерландского севера в государстве Вильгельма I не только разожгло пламя так называемого Фламандского движения (de Vlaamse Beweging), что привело к отпадению юга, но и привлекло внимание интеллигенции к родному языку. Пионеры Фламандского движения — выдающиеся писатели, критики, филологи — считали язык, как и положено романтикам, выражением национального духа народа. Этот тезис впервые прозвучал у П. Бломмаерта в «Замечании по поводу пренебрежительного отношения к нидерландскому языку» (1832) — манифесте движения.

Но о каком нидерландском могла идти речь, если в Бельгии, при большой пестроте диалектов, не существовало его унифицированного варианта? Говорили, что лидеры Фламандского движения настолько заняты задачей вытеснения из официальной сферы французского языка, что им некогда думать о его преемнике. Началась работа по стандартизации языка; по требованию известных писателей правительство назначило комиссию, которая выступила в 1839 году с предложениями по реформе правописания, вызвав в обществе бурные дебаты, превратившиеся в настоящую «орфографическую войну». С этого момента внутренняя политика Бельгии становится синонимом политики языковой.

По прошествии шестидесяти лет равноправный статус нидерландского языка закрепляется в билингвальном законодательстве. А законы о языке 1932 года положили начало унитарной политике, в соответствии с которой от государственных служащих требовалось знание лишь одного из двух национальных языков. Так зарождалась концепция «лингвистического федерализма», которая ныне применяется во всех сферах бельгийского общества.

Горизонты Фламандского движения с течением времени расширились, и в 1900 году Лодовайк Де Рае помог ему обрести глобальное социально-экономическое измерение, сформулировав два руководящих принципа: «Чтобы что-то значить, мы должны быть фламандцами. Мы хотим быть фламандцами, чтобы стать европейцами». Ключом к собственной идентичности является открытость внешнему миру, а также убеждение, что язык не существует в изоляции и что судьба его неразрывно связана с общиной, на нем говорящей (Brachin, 1985: 41).

Логика языкового развития требовала культурного сближения юга с севером, и в 1849 году были учреждены Общенидерландские конгрессы. Представители Нидерландов и Бельгии собирались на них один раз в два года вплоть до начала Первой мировой войны, обмениваясь мнениями и сотрудничая в направлении упорядочения письменной нормы. К этому призывали известные литераторы, такие как Ян Франс Виллемс (1793–1846) в Бельгии и Мультиули (Дауес Деккер, 1820–1887) в Нидерландах. С 1864 года усилиями филологов обеих стран начал выходить совместно составленный фундаментальный Словарь нидерландского языка.

В Нидерландах работой по реформе правописания руководили два профессора из Гронингена и Лейдена: М. де Фрис и Л. де Винкель. Они хотели выпустить толковый словарь, общий для северных и южных провинций, а такой труд был невозможен без достижения соглашения относительно письменной нормы. Предложенная ими система правописания получила правительственную поддержку в Бельгии и (в меньшей степени) в Нидерландах и действовала с 1860 по 1934 год. Однако авторы, оба ученые-филологи, опирались в ней на принципы исторической грамматики, на этимологию слов, оттого рекомендованный ими стиль выглядит архаичным и пуристски искусственным. Эта система была окончательно упразднена в Нидерландах так называемым Законом о правописании (Spellingwet, 1947) и в Бельгии аналогичным Постановлением о правописании (Spellingbesluit, 1946).

Начало юридическому оформлению лингвистической интеграции положил заключенный в 1946 году двусторонний Договор о культуре. В послевоенный период правительства обеих стран, несмотря на трудности восстановления экономики, много внимания уделяли модернизации и унификации нидерландского языка, что стало главным аспектом внешнеполитических отношений между ними. Государственной поддержкой и финансированием пользуются многочисленные общества, фонды и комитеты, включая такие крупные, как Всеобщая нидерландская ассоциация, общество «Наш язык», фонд «Наше наследие» и Общенидерландское объединение.

Важной вехой в культурном сближении Нидерландов и Бельгии был 1951 год, когда по инициативе бельгийского правительства собралась Всеобщая конференция нидерландского языка и литературы (подобные форумы проводились под разными названиями уже с 1849 года). Была учреждена национальная премия, присуждаемая раз в три года попеременно лучшему голландскому или бельгийскому автору и вручаемая на этих (ставших ежегодными) конференциях главой правительства Нидерландов или Бельгии. Две страны субсидируют совместно Институт нидерландской лексикологии, Фонд содействия переводу работ по нидерландскому литературоведению и Международную ассоциацию нидерландистики. Последняя, в частности, мобилизовала группу специалистов из Голландии и Бельгии на создание исчерпывающего справочника по общенидерландской грамматике (de Algemene Nederlandse Spraakkunst, сокращенно: de ANS) (Omer Vandeputte. Nederlands, 1986: 37–39.).

Не забыты были также извечные проблемы с «нашей неудобной орфографией» (выражение Р.А. Коллевайна, 1891). По заданию правительств двух стран специальная комиссия разрабатывает свод нормативных правил для обязательного использования в системе образования и официальном делопроизводстве и в 1954 году издает Словник нидерландского языка. Регулярно выпускаемый и пополняемый Словник в неизменно зеленой обложке, за что его прозвали «зеленой книжкой» (het groene boekje), играет ныне ту же роль языкового эталона, что и Государственная Библия в период голландского Золотого века.

Для уяснения особенностей современной лингвистической ситуации в Нидерландах необходимо проследить судьбу еще одного языка — фризского, который на протяжении веков боролся за официальное признание в непосредственной близости от нидерландского, своего сильного соперника¹. Фризский язык относится к североморской (ингвеонской) группе западногерманских языков, он — близкий родственник английского. Говорящие на нем фризы населяют нидерландскую провинцию Фрисландию (около 600 тыс.), а также некоторые районы Германии (20 тыс.).

¹ Историческое развитие фризского языка обстоятельно рассмотрено в кн.: Жлуктенко Ю.А., Двужилов А.В. Фризский язык. Киев: «Наукова думка», 1984. Ее мне рекомендовали фризские друзья-филологи для использования в настоящей статье.

На побережье Северного моря германские племена под этим названием (*frisii*) появились около VI века до н. э., в I веке н. э. они были уже оседлыми. В IV веке на территорию современных Нидерландов пришли франки, фризы примкнули к ним и участвовали в войнах франков против римского владычества. После ухода римлян франки пытались подчинить себе фризов, своих недавних союзников. Началась отчаянная борьба, затянувшаяся на столетия. Фризы к этому времени развернули обширную торговлю с близлежащими странами, в частности с Британией и Скандинавией. Их господствующее положение в последующие века подтверждается тем фактом, что прилегающую к их берегам часть Северного моря называли Фризским морем. Фризские торговые поселения возникли во многих рейнских городах, в Англии и Прибалтике.

Фризам приходилось постоянно воевать, отражая набеги соседей: франков, саксов, норманнов, а позже ряд военных нашествий со стороны римской церкви — за отказ платить обременительные церковные налоги. Их свободолюбие и непокорность стали легендарными в этой части Европы, однако совершенно обособиться от процесса феодальной централизации власти им не удавалось.

В конце XV — начале XVI века в Голландии, Зеландии, Утрехте и на других нидерландских землях начала складываться нидерландская народность, в состав которой наряду с потомками франков и саксов вошла и часть фризов, завоеванных в свое время франкскими графствами. Возникает общее для этих земель название — Нидерланды, то есть Низкие Страны (из-за их местоположения ниже уровня океана). В 1581 году Фрисландия вошла на правах автономии в состав Северно-нидерландской республики, и в дальнейшем ее судьба накрепко была связана с Нидерландами. Какое-то время она пользовалась самоуправлением, в 1585 году открылся Фризский университет, ставший крупным центром науки и культуры. Однако ведущая экономическая и политическая роль Голландии обусловила то, что и во Фрисландии, как во всем нидерландском государстве, языком управления, суда, школы стал голландский. Родной язык фризов все более оттеснялся на второй план. Перспективы его развития и функционирования еще больше ухудшились с установлением французского господства (1795–1813). Наполеон ликвидировал Республику Соединенных Нидерландов и учредил на ее месте так называемую Батавскую республику, отдельные провинции которой не пользовались никакими автономными правами. В 1811 году был закрыт Фризский университет.

Позже, во вновь образованном Нидерландском королевстве, ведущее положение продолжала сохранять Голландия, что еще больше упрочило статус голландского, то есть нидерландского, языка. Среди фризского населения все больше распространялось двуязычие. Первыми переходили на голландский язык горожане. Фризские говоры продолжали сохраняться лишь в семейно-бытовом общении, причем фризская речь обильно насыщалась голландскими словами и оборотами. Примечательно, что сда-

гом совпадает с отступлением последнего перед засильем французского языка во Фландрии.

Таким образом, фризский язык в течение почти трех столетий оставался языком преимущественно сельского населения. Отсутствие школы на этом языке и других нормирующих учреждений привело к тому, что диалектное дробление в нем усилилось — даже в языке современных писателей Фрисландии встречается несоразмерно много диалектизмов.

С начала XIX века в связи с общим повышением интереса к национальному прошлому в Фрисландии возникает так называемое Фризское движение — за сохранение родного языка и культурного наследия прошлого. Издаются труды по филологии, словари фризского языка, научный журнал «Свободный фриз». В 1915 году группа участников этого движения, называвших себя младофризами, выдвинула требование официального признания голландско-фризского двуязычия с предоставлением фризскому языку в пределах Фрисландии равных с нидерландским прав в области школьного обучения, в культурной и общественной деятельности.

В 1930-е годы правительство Нидерландов пошло на первые, еще небольшие уступки в деле признания за фризским языком права на научное изучение. Он получил доступ в университеты Амстердама, Утрехта, Гронингена, а в 1938 году была учреждена Фризская академия в Леувардене, что открыло новые перспективы развития фризской науки, культуры и образования. В настоящее время Фризская академия (включающая около 570 членов, в том числе 95 ученых из других стран) совместно с Фризским институтом при Гронингенском университете ведет большую исследовательскую и просветительскую работу. По данным 1994 года, примерно 94% населения Фрисландии понимают фризский язык, 73% могут на нем говорить, 65% — читать и 11% — писать. Эти цифры почти не изменились по сравнению с 1980 годом, если не считать того, что пишущих на родном языке стало на 6% меньше.

Все это способствует укреплению позиций фризского языка в этой провинции и его влиянию на формирование у населения интереса к собственной историко-культурной идентичности. Так, по данным 1994 года, 71% местных жителей считают себя фризами, причем придают этому факту гораздо большее значение, чем их соседи придают тому, что они нидерландцы. За последние годы расширилась сфера применения фризского языка, намного увеличено количество школ с преподаванием на родном языке и изучением его как факультативного предмета в старших классах. Гражданам дано право пользоваться фризским языком в суде. С 1961 года он стал обязательным предметом в педагогических учебных заведениях Фрисландии, и на мероприятия по его развитию значительно увеличились государственные субсидии. Наконец, фризский язык во Фрисландии получил статус официального языка наравне с нидерландским.

Двуязычие в этой провинции санкционировано многими специальными законодательными актами, хотя, повторяю, в Конституции об этом

1997: 13–15). В Законе об административном управлении вторая часть второй главы регулирует использование языка в правительственных органах, органах местного управления и государственных учреждениях:

«Статья 2.6.

1. Органы административного управления и их сотрудники пользуются нидерландским языком, если только законом не определено иное.

2. Во изменение первого параграфа может быть применен другой язык, в случае если это более целесообразно и если интересы третьих лиц не чрезмерно ущемлены.

Статья 2.7.

1. Каждый может пользоваться фризским языком в отношениях с органами управления постольку, поскольку те располагаются в провинции Фрисландия.

2. Первый параграф не имеет силы, если орган управления предлагает использовать нидерландский язык по причине того, что использование фризского языка может повести к чрезмерной трудности административного контакта.

Статья 2.8.

1. Органы управления могут использовать фризский язык в провинции Фрисландия для устного общения.

2. Первый параграф не имеет силы, если другая сторона просит об использовании нидерландского языка на основании того, что использование фризского языка может привести к неудовлетворительному ходу устного общения.

Статья 2.9.

1. Органы управления, расположенные во Фрисландии и не относящиеся к центральному правительству, могут устанавливать правила употребления фризского языка в письменных документах.

2. Тот министр, кого это касается, может устанавливать правила употребления фризского языка в письменных документах для тех отделений центрального правительства, чьи полномочия распространяются на провинцию Фрисландия или на часть ее территории.

Статья 2.10.

1. Письменный документ на фризском языке готовится одновременно и на нидерландском языке, если он:

а) предназначен для органов управления, располагающихся (также) вовне провинции Фрисландия или для инстанций центрального правительства;

б) содержит общеобязательные предписания или правила;

в) составлен для непосредственной подготовки указанных в пункте б) предписаний и правил.

2. Объявление, сообщение об означенном выше письменном документе и представление его широкой публике должно во всяком случае осуществляться также и на нидерландском языке, если только не будет показано отсутствие в этом разумной необходимости.

Статья 2.11.

1. Если письменный документ составлен на фризском языке, орган управления предоставляет по чьей-либо просьбе его нидерландский перевод.

2. Орган управления может потребовать за перевод компенсацию затрат.

3. За перевод не взимается компенсация, если письменный документ:

а) содержит протокол собрания законодательного органа и интерес просителя прямо связан с текстом протокола, или же этот протокол касается общеобязательных предписаний и правил, или

б) содержит решение либо другое действие, в которых заинтересован проситель.

Статья 2.12.

1. Каждый может использовать фризский язык на собраниях законодательных органов, расположенных в провинции Фрисландия.

2. То, что говорится на фризском языке, протоколируется на фризском языке».

Из Закона о начальном образовании, глава I, параграф 1, статья 9 — о содержании образования (*Wet op het primair onderwijs*, 1998):

«...4. В школах провинции Фрисландия обучение одновременно ведется на фризском языке, если только законодательный орган не предоставит по просьбе обремененной полномочиями инстанции освобождения от этого обязательства.

...8. Обучение ведется на нидерландском языке. Там, где помимо нидерландского языка в ходу фризский или иной местный язык, эти последние могут также использоваться в системе образования в качестве рабочего языка. Для подключения к системе нидерландского образования учеников, вышедших из иной культурной среды, в качестве рабочего языка обучения может также быть использован их родной язык, согласно процедурным нормам, установленным обремененной полномочиями инстанцией».

Из Закона о среднем образовании, часть I, глава 1, параграф 1, статья 6а — о языке (*Wet op het voortgezet onderwijs*, 1998):

«Обучение ведется и экзамены принимаются на нидерландском языке. Во изменение первого положения может использоваться другой язык:

а) когда обучение имеет отношение к этому языку, или

б) если к этому вынуждает специфический характер, установки или качество образования, либо происхождение участников процесса обучения — согласно процедурным нормам, установленным обремененной полномочиями инстанцией».

Из Закона о высшем образовании и научных исследованиях, глава 7, титул 1, параграф 1, статья 7.2 — о языке (*Wet op het hoger onderwijs*, 1998):

«Обучение ведется и экзамены принимаются на нидерландском языке. Во изменение первого положения может использоваться другой язык:

а) когда обучение имеет отношение к этому языку, или

б) когда в программу образования входят лекции иностранного преподавателя, говорящего на ином языке, или

в) если к этому вынуждает специфический характер, установки или качество образования, либо происхождение участников процесса обучения — согласно процедурным нормам, установленным облеченной полномочиями инстанцией».

Аналогичные положения встречаются в законах, регулирующих деятельность юристов и нотариусов, средств массовой информации, культурных, просветительских и общественных организаций. Новые установления принимаются согласно договоренности между государством и провинцией (*bestuurspraak* 1989 и 1993 годов), в которой особо выделена роль местного управления и подчеркнута необходимость его двусторонней динамической связи с центральным правительством и гражданами (*burgers*). Порядок принятия новых установлений и правил можно схематично обрисовать следующим образом: сначала законодательный орган (соответственно центрального либо местного уровня) испытывает давление касательно какой-либо проблемы использования языка со стороны общественных сил или организаций; правительство делает запрос, назначает комиссию, которая анализирует ситуацию с учетом накопленного опыта, что отражается в отчетах; комиссия выходит с предложениями; правительство оказывает им поддержку, соответствующий министр выступает как моральный и финансовый гарант нового установления; спустя некоторое время после того, как новое положение закона вступает в силу, проводится инспекция его эффективности и следуют многочисленные рапорты в различные инстанции... Закон не готовится и тем более не принимается впопыхах, это делается лишь после десятка публичных обсуждений. Но если затем он по каким-то причинам все же «не работает», его можно усовершенствовать либо заменить на лучший. За период с 1937 по 1995 год аналогичным образом были приняты десятки законов, выражены рекомендации и распространены правительственные циркуляры касательно сфер употребления и механизма взаимодействия нидерландского и фризского языков. Кстати, по новому провинциальному закону 1992 года название провинции (*Friesland*) официально изменено на *Fryslân*.

В отношении нидерландского языка, который является государственным языком Нидерландов и одним из официальных языков Бельгии, языковая политика имеет, естественно, иные цели, но осуществляется на тех же демократических принципах. Как сказано в разъяснении к юридическим аспектам принятых декретов о правописании, «закон следует за общественным развитием, а не наоборот» (*Spelling en spellingregeling*: 19). В Нидерландах правительство призывается ответственностью в связи с необходимостью укрепления позиций лингвистического стандарта (ранее именовавшегося *ABN*) относительно диалектов, в Бельгии — для поддержания того же стандарта в его внешнем противостоянии французскому и в его внутренней борьбе с галлицизмами. И то, и другое требует большой осторожности и такта.

«Принятие нормы людьми, говорящими на диалекте, есть медленный процесс, который можно стимулировать лишь посредством интенсивного разви-

тия средств сообщения и публичной сферы, но прежде всего улучшением системы образования» (*C.G.N. de Vooys*, 1970: 153), — это высказывание известного нидерландского лингвиста и литературного историка К.Г.Н. де Войса характеризует ситуацию в период Батавской республики, но вполне применимо к современной Фландрии. В результате укрепления культурных связей с Нидерландами при помощи радио, телевидения, публикаций и других не знающих государственных границ видов коммуникации население получает заимствованную у северного соседа «эталонную модель» родного языка — образец для подражания. Отпадает нужда в использовании французского как «культурного языка», стоящего над диалектальной пестротой; происходит «нидерландизация» предметов обучения и преподавательского состава.

Однако, признавая необходимость лингвистической интеграции, бельгийские интеллигенты расходились во мнениях по поводу языковой политики и особенно гегемонии Севера, как это следует из подборки цитат, собранных профессором Г. Гиртсом (*Guido Geerts*, 1972). С одной стороны, исторические обстоятельства вынуждали говорящих на нидерландском жителей Юга искать культурные эталоны на Севере, с другой, они желали осуществлять «свое право на свободу пользоваться нидерландским языком по собственному разумению...». Нашумевшая статья Дж.Л. Пауэлса называлась «До какой степени Север будет задавать тон?» (1954), а В. Нее писал: «Если мы хотим упрочить будущность голландского языка (во Фландрии), тесное сотрудничество с Нидерландами есть насущная необходимость. Это тем не менее не означает, что мы должны перенимать все оптом и предавать забвению наш исконный характер» (1961).

Как бы то ни было, сила притяжения значительно перевешивала силу отталкивания, и 9 сентября 1980 года правительства Нидерландов и Бельгии заключили (во исполнение решения 1975 года) Договор о сотрудничестве в области нидерландского языка и литературы. Договор, ратифицированный в Брюсселе под названием Нидерландская языковая уния, получил, согласно нормам международного права, силу закона, и для его проведения в жизнь был учрежден одноименный исполнительный орган. Уния пользуется статусом международной, межправительственной организации, чьи постановления имеют приоритет перед документами национального права. Она инкорпорирует в обоих своих Уставах принципы лингвистического и культурного союза между Нидерландами (15 млн. человек) и нидерландоязычной частью Бельгии (6 млн.), проводя регулярные консультации на всех уровнях с целью упрочения позиций нидерландского языка и литературы у себя дома и за рубежом.

Предметом совместных забот становится «язык и литература как предмет науки, литература как форма искусства, язык как средство коммуникации в науках, язык как проводник литературы, образование в области языка и литературы и, в широком смысле, язык как инструмент человеческого общения» (*Neri Sybesma-Knol*, 1987: 313).

Решающий голос в Языковой унии принадлежит Совету по нидерландскому языку и культуре (*Raad voor de Nederlandse Taal en Letteren*). В этот

консультативный орган входят 18 экспертов в области языка, литературы, образования, библиотечного и издательского дела из Нидерландов и Бельгии, и его решения реализуются Генеральным секретариатом, находящимся в Гааге. Последний располагает разветвленной сетью агентов, проникающих во все социальные сферы применения языка, и работает в тесном сотрудничестве с постоянными и временными консультативными комиссиями.

Руководит деятельностью Языковой унии и санкционирует ее решения так называемый Комитет министров (Comite van Ministers), где заседают руководители министерств, ведающих образованием, культурой и наукой в двух странах. В случае возникновения проблемы, требующей правительственной поддержки, Комитет подает запрос в Совет по нидерландскому языку и литературе и получает профессиональную консультацию. Функции надзора и контроля возложены на Межпарламентскую комиссию, которая в настоящее время включает в себя 14 народных представителей из высших органов власти Нидерландов (Staten Generaal) и фламандской части Бельгии (Vlaamse Raad). Деятельность Унии финансируется на 2/3 Нидерландами и на 1/3 Фландрией. С течением времени ее бюджет увеличился в четырнадцать раз — с 900 000 гульденов (16 млн. бельг. франков) в 1982 году до 9,5 млн. гульденов (180 млн. бельг. франков) в 1994 году.

В основу Унии положена концепция интеграции двух родственных наций на основе единства нидерландского языкового ареала (точнее, единства языка и общности литературы), что определяет четыре главные цели двустороннего сотрудничества: «развитие нидерландского языка»; «поощрение знания и ответственного использования нидерландского языка»; «развитие литературы»; «содействие изучению и распространению нидерландского языка и литературы за рубежом» (Neri Sybesma-Knol, 1987). Уния регулирует нормативы орфографии и грамматики официального языка, выпускает словари и справочники, субсидирует переводы нидерландской литературы, унифицирует терминологию и написание заимствованных слов; под ее эгидой проходят (с 1986 года) Всеобщие конференции нидерландского языка и литературы.

Самый грандиозный проект Унии — Большой словарь нидерландского языка (Het Woordenboek der Nederlandsche Taal, сокращенно WNT), на который до недавнего времени уходила большая часть ее бюджета. На его счету немало международных рекордов: это самый полный и монументальный словарь в мире, он состоит из сорока основных и нескольких дополнительных увесистых томов (45 805 страниц), содержит 1,6 млн. цитат из почти 10 000 литературных источников и, главное, описывает этимологию, функционирование и т. п. около 400 000 слов, бывших в употреблении в основном в период с 1500 по 1921 год. Отсутствуют, правда, многие научные термины, заимствованные слова и слова-табу. Подготовку словаря начал в 1851 году упомянутый выше М. де Фрис, первый из вереницы главных делакторов, рассчитывавший составить восемь томов

и закончить работу в 25-летний срок. Первые выпуски словаря увидели свет в 1864 году, однако последние, вследствие недостаточного финансирования, — только в 1998 году, спустя почти полтора столетия после того, как он был задуман.

Зато из толкового и нормативного словаря (с ретроспективным взглядом на Золотой век), типичного для времени, когда создавались аналогичные труды, например, Оксфордский словарь английского языка, это издание выросло в исчерпывающий научно-исторический справочник. Завершение проекта торжественно отмечалось 1 декабря 1998 года на академическом заседании в Лейдене, где велась основная работа по созданию словаря. Присутствие на заседании королевы Нидерландов Беатрикс и короля Бельгии Альберта подчеркивало огромную важность этого события для развития нидерландского языка. Благодаря компьютерной записи словаря на cd-rom в 1995 году, число его пользователей неуклонно возрастает; возможно, через пару лет он будет встроен в каждый продаваемый в Нидерландах компьютер, во всяком случае о нем можно будет справиться по Интернету.

Нидерландская языковая уния заботится о расширении сети курсов изучения языка для эмигрантов и беженцев, финансирует программы по улучшению обучающих методик, организует сдачу государственного экзамена «Нидерландский как второй язык для иноязычных». Она также выполняет роль культурного посла за границей, способствуя установлению и упрочению контактов национальных научных кадров с 223 университетами в 42 странах мира, от Норвегии до Южной Африки и от штата Мичиган до Малайзии, где в той или иной форме проводятся курсы нидерландского языка. В ряде стран нидерландские источники широко используются в учебных программах по юриспруденции, архивному делу, экономике и менеджменту, что вынуждает студентов изучать также и нидерландский язык.

Для удовлетворения интереса к нидерландскому языку в странах Восточной Европы (Венгрии, Чехии, Польше, России), где его преподавание ведется на традиционно высоком уровне, но скудны источники финансирования, Уния учредила поощрительные программы, испросив на это дополнительный бюджет. Помощь идет прежде всего на материальные нужды: аппаратуру для учебных помещений, системы автоматизации, библиотеки, учебный материал. Уния оказывает поддержку кадрами университетам в Киеве, Тбилиси, Ташкенте, которые также начали у себя преподавание нидерландского языка.

Одно из основных направлений усилий Языковой унии — создание банка данных для так называемых языковых консультаций (taaladvies), доступного для всех, кто хочет правильно говорить и писать. Этим занимаются две рабочие группы Унии, отдельные ученые и многие частные лица, равным образом называемые языковыми консультантами (taaladviseurs). Специальный координационный центр (Taaladviesoverleg) заботится о согласованности работы различных групп.

(taaladviesdiensten) и редакций словарей и справочной литературы. Если возникает спорный вопрос относительно языковой нормы, можно подать запрос в Совещательную комиссию (Taaladviescommissie), куда входят лингвисты, литературоведы, журналисты и другие профессиональные носители языка.

Слово *advies* — «совет, консультация, совещательный орган» — встречается так часто не случайно, оно характеризует всю многостороннюю деятельность Нидерландской языковой унии и является ключом к ее самоидентификации. Так, подробный отчет Унии за десятилетие с момента основания носит название «Инвентаризация десяти лет языкового консультирования». Уния сама исходит из того факта, что «нидерландские и фламандские носители языка нуждаются в указаниях к правильному пользованию языком. Этому способствует издаваемая в больших объемах справочная литература (*adviesboeken*). С одной стороны, Языковая уния стремится дать ясные директивы, дабы помочь людям преодолеть их неуверенность в языке. С другой, она не хочет походить на Академию нидерландистики, которая большинством голосов решает вопрос о правильности того или иного слова» (*Een Taal om in te wonen*: 7). Французская *Academie neerlandaise*, которая также занимается проблемами нидерландского языка, поскольку на нем говорит этническое меньшинство на севере страны, упомянута здесь для наглядности контраста между ее волевыми, административными методами и осторожной, сбалансированной политикой Унии.

Методы политического и административного давления не могут быть популярными в Нидерландах и Бельгии — странах с давними демократическими традициями, где каждый властный орган, включая ректорат университета, дирекцию государственного фонда и даже правление достаточно крупной частной фирмы, не только носит характер коллегиальности, но имеет рядом с собой надзирающую и контролирующую инстанцию, чьим советам он обязан следовать, хотя и не подчиняется ей по служебной линии. Такая инстанция обычно состоит из приглашенных со стороны экспертов и выступает в форме совета. Эта форма организации настолько широко распространена, что никого не смущает, когда в ее конкретном названии фигурируют два синонимичных слова: *Raad van advies*, то есть буквально «Совет советов»¹. И сфера языка не исключение (например, *Raad voor Taaladvies* в Бельгии).

Итак, Уния, в лице Совета по нидерландскому языку и литературе, рабочих групп и консультативных комиссий, формулирует и координирует языковую политику в Нидерландах и Бельгии. Сущность ее стратегии сводится к понятию «забота о языке» (*taalzorg*), что в последнее время

¹ Поистине ошеломляющее количество таких совещательных органов в Нидерландах и их важная роль в процессе принятия решений на всех уровнях приводят меня к парадоксальной мысли: если и была когда-либо в истории — и существует поныне — «страна советов» (*de facto*), то это Голландия. Интересно, что и старое слово «комиссар» (*commissaris*) означает здесь: член наблюдательного совета.

почти совсем вытеснило понятие «политики» (*taalpolitiek, taalbeleid*) как таковой. Нельзя ли в таком случае обойтись и без политиков?

Ответ на этот вопрос мы находим в рассуждении доктора Ф. Янсена: «...Из предыдущего рассказа следует, что я рассматриваю языковые нормы как личную проблему гражданина, который сомневается, какую форму ему лучше употребить. Далее видно, что я отвожу правительству роль вдохновителя и спонсора исследовательской работы. Зачем, собственно? Не правильнее было бы гражданам самим решать вопросы нормативности? Тогда нормы, отражая групповую и жанровую специфику языковой практики, возникали бы естественным путем, что можно только приветствовать. Однако выбор одного стандартного варианта (из двух-трех допустимых. — *Авт.*) нельзя, по моему мнению, доверить свободной игре общественных сил... Если мы хотим поддержки правительства, то должны себя ограничивать. Во-первых, оно не позволит разбазаривать государственные средства. А во-вторых — хотим мы этого или нет — под эгидой государства все выглядит гораздо более официально. Это вносит элемент умеренности, что и требуется при нормативной селекции» (*Taalzorg*: 112–113).

«Терминология — это тоже забота правительства», — вторит ему коллега А. Верворн. При этом речь, естественно, идет не о насильной нидерландизации устоявшихся в языке интернациональных терминов, а о выборе единого написания по критериям точности, информативности, стандартности и профессиональной важности (*Taalzorg*: 37).

И все же правительство не решается санкционировать обязательное и исключительное употребление какой-то одной формы, пока ее аналог еще в ходу (что бывает весьма часто, поскольку языковое «единство» разделяет государственная граница). Компромиссом является принятая в современных орфографических справочниках и узаконенная правительством двучленная формула правописания: «допустимый» и «предпочтительный» варианты. Последний безусловно обязателен лишь для самого правительства и работников госадминистрации. Школьники и студенты могут в определенных пределах также прибегать к допустимому написанию. Можно себе представить, какая царит путаница при проверке письменных работ. Как водится, журналисты язвительно отзываются о любых изменениях орфографии как о недопустимом насилии над языком.

Подсчет ошибок друг у друга — любимое занятие нидерландских и бельгийских участников ежегодного Национального диктанта, который транслируется по телевидению и привлекает больше зрителей, чем популярные шоу: где еще можно увидеть министра, члена парламента или иную известную личность, в глубокой растерянности смотрящих на свой листок бумаги, стараясь отгадать, какую поставить букву (*k* или *s*, например) в заимствованном слове «структура» (*structuur, structuur?*), согласно указанному в «Зеленой книжке» новым правилам. Вот как описывает журналист атмосферу этого мероприятия: «Национальный диктант — раздолье для психологов. Прежде всего, добровольное участие известных лю-

дей. Они этим демонстрируют согласие с правилами, придуманными в сумасбродном мире орфографических новаторов. Примечательно также их настойчивое желание щеголять своим бессилием следовать этим самым правилам на письме. Наконец, мазохистская обстановка места, где совершается сеанс унижения: школьный класс со строгим учителем. Са-мой послушной ученицей этого класса показала себя Винни Соргдрагер (министр юстиции Нидерландов. — *Авт.*)...» (Bugel, 1997: 20). Интересно, что победителями этого состязания неизменно выходят бельгийцы — в беспокойном море диалектных словоформ единственным маяком служат нормативные правила. Многие фламандцы, страдая, так сказать, комплексом лингвистической неполноценности, жалуются на обстановку «языковой дискриминации со стороны Севера», культурному стандарту которого они вынуждены следовать. Возможно, это — во многом субъективное ощущение, но тот факт, что овладение стандартным нидерландским дается им с большим трудом, чем их «троюродным братьям» из Голландии, вызывает у них повышенный интерес к проблемам языка.

В последнее время пресса в Нидерландах и Бельгии уделяет повышенное внимание состоянию и функционированию нидерландского языка: во-первых, закончилось второе тысячелетие и пора подводить итоги; во-вторых, Европа вступает в новую фазу более интенсивной межнациональной интеграции, где различным языкам и культурам предстоит сосуществовать не без трений, если они хотят иметь высокий статус и сохранить идентичность. В специальной подборке статей, опубликованных в самой авторитетной нидерландской газете «NRC Handelsblad» от 26 ноября 1998 года, подчеркивается мысль, что нидерландский, учитывая число его носителей и интерес к нему в мире, есть не «малый язык» Европы, а «язык средней величины» (*middelgrote taal*), который при этом активно развивается.

Наблюдатели, в частности, отмечают небывалый рост новых нидерландских слов и словосочетаний (которые часто пишутся в одно слово) и называют это явление лексическим взрывом (*woordenschatexplosie* — также неологизм). В вопросе, сколько их в среднем появляется за год, мнения расходятся. Бельгийский лингвист из Лувена (Лёвена) насчитал 300 таких слов, его утрехтский коллега — 15 000. Последний опубликовал недавно в журнале «Наш язык» список из 54 неологизмов, найденных в материалах нидерландских газет за один лишь день. Конечно, эти слова можно назвать новыми, потому что их нет ни в одном словаре, но это не значит, что они прежде нигде не встречались. Впрочем, теперь подсчеты с большей степенью точности можно вести при помощи поисковых машин типа AltaVista и Vindex, чьи банки данных содержат миллионы страниц текста в Интернете (Oostendorp, 1998).

С другой стороны, высказываются мнения о перегруженности языка иностранными заимствованиями. Безнадежные пессимисты, какие имеются везде и всегда, предрекают даже, что засилье английской лексики приведет к исчезновению нидерландского языка в обозримом будущем.

тики. Со времени начала письменности в X веке нидерландский заимствовал слова из других языков, прежде всего из романских — латыни и французского, — которые были языками науки, королевского двора, искусства и культуры; позднее пришли заимствования из немецкого, поскольку Германия быстрее продвигалась вперед в научном отношении. В первой половине XX века в обществе возникла неприязнь к немецкому, обусловленная известными политическими событиями, и количество заимствований из него резко сократилось. Вакуум стал мгновенно заполняться англицизмами, поток которых еще более усилился после Второй мировой войны, когда «американский образ жизни» стал в известном смысле примером для всего мира.

Проанализировав словарный состав текстов, помещенных на четырех страницах «NRC Handelsblad» от 7 апреля 1994 г., специалисты подсчитали, что 82,1% встречающихся там заимствований — родом из романских языков, 7,4% — из английского, 6,8% — из немецкого и 3,7% — из других языков. Причем заимствованными является «лишь» одна треть из общего количества употребленных газетой слов (что не считается здесь чрезмерным). Приводится следующий аргумент: если большое число латинских заимствований (*fabriek, politie, zolder*), ныне полностью ассимилированных, не привело в свое время к «утрате» нидерландцами своего языка, то и английское влияние ему не помеха. «Пока нидерландский остается родным языком подрастающего поколения и употребляется повсеместно для устного общения, пока радио и телевидение продолжают на нем вещать, пока он используется в образовании и общественной жизни страны, а главное: пока влияние английского затрагивает только лексику, но не структуру языка, боязнь такой утраты просто неуместна» (Sijs, 1998).

Встречаются также парадоксальные идеи и рассуждения: представим на минуту, предлагает один автор, что под натиском английского нидерландский язык постигнет судьба латыни или кельтского — будет ли это катастрофой для нидерландцев, которые будут жить через сто лет? На этот гипотетический вопрос он сам отвечает: нет, не будет. Во-первых, если превратившийся в единое содружество мир (*global village*) захочет унифицировать манеру общения, то нидерландский уж никак не может претендовать на роль всеобщего языка — *lingua franca*. Во-вторых, язык существует как следствие «общественного договора» и для удобства говорящих. Развитие языка нельзя, невозможно сдерживать путем пуристских чисток; как ни могуществен английский, а население в Калифорнии и во Флориде говорит в большинстве своем на испанском. И, в-третьих, здравый смысл подсказывает, что язык не может исчезнуть «просто так». Но политикам следует уяснить себе, что не законы или реформы, а объективный анализ лингвистической ситуации, постоянное внимание и бережная поддержка являются залогом успешной языковой и культурной политики в стране (Verkuyl, 1998).

Повторю, что в Нидерландах не существует ни специальной комиссии по «выработке» терминологии (здесь идет речь лишь об унификации

последней), ни какой-либо пуристской программы по «борьбе» с английскими заимствованиями. И все же находятся разумные методы привлечения к означенным проблемам внимания широкой публики. Например, задающая тон газета «NRC Handelsblad» объявила в начале ноября 1998 года конкурс на замещение сорока наиболее «ходовых» сейчас английских заимствований, употребляющихся в своем оригинальном написании (таких, как *airbag, display, hi-tech, homepage, junkfood, stalker, website* и др.). Несмотря на низкую ценность объявленных призов (пять победителей получали книжный талон стоимостью в 100 гульденов), в контрольный двухнедельный срок поступило 450 писем, содержащих 11 000 предложений (Sanders, 1998). Лучшие варианты были опубликованы, и газета, насколько я могу судить, уже стала использовать некоторые из них в редакционных материалах.

В то же самое время в одной из рубрик этой газеты, озаглавленной «Доска объявлений», помещаются порой англоязычные анекдоты и забавные истории безо всякого перевода. Зная, что такого рода материал вполне доступен среднему нидерландскому читателю, я все же спросила о причине таких публикаций моего знакомого редактора, Роба Бирсму, ведущего эту рубрику. Он ответил, что читатели находят эти тексты в Интернете (в многочисленных чатах) и присылают в газету, главным образом по электронной почте, в количестве, превышающем раз в 30 отведенный объем. Роб неоднократно обращался к читателям с просьбой о материалах на других языках, но они «все равно шлют англоязычные». Переводить с английского для аудитории, читающей на этом языке, — пустая формальность, да еще при этом теряются оттенки смысла. Протицирую личное мнение Роба Бирсмы: «...А кроме того, и это важно, Люба, — я считаю весьма показательным, что читатели предлагают так много материала на английском. Я могу стараться этому противодействовать, но ведь это действительно знамение нашего времени. Многие люди находят большое удовольствие в чтении хорошей английской шутки...» (Biersma, 1999).

Конечно, не все бывает так просто, когда в рамках Европейского сообщества возникают вопросы культурно-языкового престижа. Нидерландский язык обладал там изначально высоким статусом: когда в 1958 году Сообщество было основано, он был одним из четырех официальных языков. Теперь количество официальных языков возросло до 11 для 15 стран-членов ЕС. Уже 35 лет раздаются голоса со стороны больших стран о том, что в целях экономии средств, выделяемых на перевод и т. п., необходимо сократить количество рабочих языков и что нидерландский должен уйти со сцены. Но это вряд ли произойдет, поскольку для подобного решения нужно единогласное согласие стран-членов Сообщества, каждая из которых имеет право вето. В ЕС все официальные языки в принципе равны. В соответствии с численностью его носителей, нидерландский занимает там шестое место, но формально он имеет тот же статус, что и «большие языки».

Все документы ЕС переводятся на все 11 языков; Европейский парламент не примет к рассмотрению документ при отсутствии того или иного перевода. В отличие от дипломатов и сотрудников администрации, парламентарии не обязаны свободно говорить на иностранных языках, им дано право участвовать в дебатах, пользуясь своим родным языком. Поэтому на пленарных заседаниях Европарламента, как и на ежемесячных собраниях министров иностранных дел или на полугодовых встречах на высшем уровне глав государств и правительств, к услугам выступающих всегда есть 110 комбинаций синхронного перевода.

Итак, все языки равны. Однако, как пишет Биргит Донкер (по-видимому, перефразируя Дж. Оруэлла), «некоторые языки на практике все же более равны, чем другие... Язык — это политика. Тем более в Европейском союзе» (Donker, 1998). В головных инстанциях ЕС, таких как Европейский центральный банк, Счетная палата, Верховный суд и т. д., наблюдается своя внутренняя языковая политика — в пользу одного или двух «больших языков»: английского, немецкого и французского, часто в зависимости от лингвистических вкусов руководителя. Последний из названных языков обладает наибольшими амбициями. Скандально известно стремление французов к языковому доминированию в Европарламенте, что является отражением и продолжением жесткого, пуристского курса у них дома.

Так, понадобилось немало времени на то, чтобы на ежедневные брифинги Европейской комиссии с прессой, кроме французского, был также допущен английский. Это приводило несколько лет назад к комическим ситуациям, когда британские журналисты, стараясь изо всех сил, задавали своим уполномоченным соотечественникам вопросы на ломаном, нечленораздельном французском. И лишь когда француз Жак Делор покинул пост председателя Комиссии, стало возможно изменение языкового режима. Но и в том случае, когда на важных совещаниях Европейского союза количество рабочих языков было ограничено пятью самыми крупными, это вызвало протест у нидерландских и особенно у чувствительных к вопросам языка бельгийских делегатов, которые порой отказывались участвовать в этих заседаниях, чтобы не создавать вредного прецедента. По инициативе Нидерландов и Бельгии на встрече 1993 года глав входящих в Содружество государств было постановлено не допускать дискриминации в отношении малых языков.

В настоящее время права региональных языков, или языков национальных меньшинств, оберегает Европейская хартия, текст которой был распространен в английском и французском вариантах между странами-членами Содружества в 1992 году. Королевство Нидерландов подписало Хартию в 1996 году, приняв на себя обязательства по охране и поддержке распространенных на его территории малых языков; два года спустя договоренности вступили в силу.

Фризский язык получил в Хартии высшую из двух существующих степеней признания: жители провинции Фрисландия могут выбирать для себя стандартный язык между нидерландским и фризским. Правитель-

ство страны обязуется активно поощрять развитие регионального языка, что на практике выражается в двуязычном написании названий населенных пунктов на дорожных указателях или в возможности выступать в суде на своем родном языке. Еженедельно по воскресеньям Центральный канал телевидения передает на всю страну программу Фризландской телестудии на фризском языке с нидерландскими субтитрами. Возрастает также роль органов местного управления, которые, в частности, санкционируют работу по унификации и стандартизации фризского языка, имеющего собственную письменную традицию. На днях в Европейское бюро малониспользуемых языков поступил подробный «Отчет о мерах, принимаемых Нидерландами относительно фризского языка». В подготовленном Фризской академией тексте наглядно демонстрируется, как действуют принятые правительством законы на практике, и делается вывод, что принятые и принимаемые меры в целом соответствуют требованиям Хартии (Europees handvest, 1999).

Наряду с фризским, Хартия также включила в свой список два наиболее распространенных в Нидерландах диалекта: нижнесаксонский (в 1995 году) и лимбургский (в 1997 году) как языки второй степени признания. Их носители не могут выбирать себе язык и пользуются в письменной практике стандартным нидерландским, но правительство обязуется поддерживать жизнеспособность диалектов на соответствующих территориях. Возможно, в будущем вслед за ними найдет себе дорогу в Хартию и диалект провинции Зеландия.

Чтобы самому не стать малым языком и не потерять собственное лицо в «вавилонской башне» Европы, нидерландский язык вынужден искать союзников — не случайно в последние годы принят ряд мер по урегулированию его отношений с фризским, активизации его контактов с африкаанс, упрочению его позиций в Суринаме, Индонезии и на Антильских островах. Этим задачам была посвящена проходившая в Лейдене конференция на тему «Язык и идентичность: африкаанс и нидерландский» (июнь, 1992). Представители вышеперечисленных лингвистических общин говорили о будущем нидерландского языка в национальной и международной перспективе.

Обсуждались, в частности, рекомендации Королевской нидерландской академии наук по развитию нидерландского языка. Это собрание лучших ученых страны не располагает исполнительной властью, но выполняет функции консультативной инстанции — Совета — по всем важным проблемам, имеющим отношение к науке. Когда в 1989 году правительство запросило упомянутые рекомендации, Академия ответила текстом под многозначительным названием «Против течения». Действительно, этот текст не содержал, вопреки ожиданию, новой стратегической линии в языковой политике на период политической и экономической «унификации» европейских стран, каждая из которых готова при этом отстаивать свою культурную идентичность. Академики проанализировали сложившуюся ситуацию лишь с одной точки зрения — возможно, не самой научной, —

с точки зрения здравого смысла. «В интернациональной перспективе, — говорится в тексте рекомендаций, — от нидерландской языковой общины не ожидается ничего иного, как изучения собственной культуры. Если Нидерланды не будут этого делать, то кто же тогда?» (Taal en Identiteit, 1994: 198–199).

Год спустя Нидерландская академия наук совместно с Фламандской наметила основные направления научных исследований в области культуры, также в виде общих рекомендаций. Было отмечено, что «Нидерланды и Фландрия, вместе с проживающими в других местах носителями нидерландского языка, должны отдавать себе отчет в своем собственном историческом прошлом, если они хотят занимать достойное место в будущей, объединенной Европе. Им следует во всяком случае углубленно изучать свой язык и культуру, дабы пропагандировать в других странах обретенное знание» (Taal en Identiteit, 1994: 198–199). В своих рекомендациях академики применяют расширенное определение культуры, в которое включаются не только язык, литература, история, но и вся область духовной жизни и материальной культуры. На основании данной дефиниции перечисляются (в соответствии со степенью важности) пять направлений исследовательской работы:

1. Различные аспекты культуры в Нидерландах.
2. Различные аспекты культуры в бельгийской Фландрии.
3. Культурное взаимодействие между Нидерландами и Фландрией.
4. Нидерландская культура в европейском контексте.
5. Распространение нидерландской культуры за пределами Европы как результат нидерландской экспансии в прошлом.

В заключительном слове к участникам Лейденской конференции член правительства Нидерландов сказал следующее: «Характерная черта нидерландской культуры — ее большая открытость по отношению к другим культурам. От них мы многому учимся и тем не менее остаемся самими настоящими нидерландцами. Внутри Европы сейчас дебатировался вопрос об интеграции и сохранении своего своеобразия. Верность традициям и открытость новому. Это не обязательно противоречие. Жизнь Европы характеризуется многообразием форм и вариативностью, что отражено в постановлениях Европейского сообщества. Мы должны опасаться культурной унификации, делая акцент на многообразии в нашей культуре и уделяя больше внимания культурам национальных меньшинств» (Taal en Identiteit, 1994: 198–199).

Итак, те же принципы свободного движения жизни и свободного творчества, при условии глубоко укоренившегося чувства меры и традиции, о которых я говорила в начале статьи. И тот же демократический, рациональный механизм взаимодействия общества и власти. Остается надеяться, что все это найдет понимание в объединенной Европе и со временем станет примером для других континентов.

ЛИТЕРАТУРА

- Biersma Rob, email 19.03.1999.
- Brachin Pierre. The Dutch Language Survey (Translated from the French by Paul Vincent). E.J.Brill — Leiden. 1985.
- Bugel Peter Versteend. «Het Parool», 27.12.1997.
- C.G.N. de Vooy. Geschiedenis van de Nederlandse taal. Groningen, 1970.
- Dialect in Beweging. Het Dialectenboek 3 (100 jaar na de enquetes van Willems en Aardrijkskundig Genootschap. Stichting Nederlandse Dialecten. Groesbeek 1995.
- Donaldson B.C. Dutch. A linguistic History of Holland and Belgium. Martinus Nijhoff, Leiden, 1983.
- Donker Birgit. Jungle van vertaalcombinaties. NRC Handelsblad, 26.11.1998.
- Een Taal om in te wonen. Portret van de Nederlandse Taalunie.
- Europees handvest voor regionale talen of talen van minderheden. Rapportage inzake de maatregelen welke Nederland heeft getroffen ten aanzien van de Friese taal en cultuur (Rapporteur: Auke Sj. van der Groot). Fryske Akademy, 1999.
- Guido Geerts. Taal of Taaltje?: een bloemlezing taalpolitieke beschouwingen over het Nederlands. Leuven. 1972.
- Kees van Strien. Touring the Low Countries. Accounts of British travellers, 1660–1720. Amsterdam University Press, 1999.
- La Constitution Belge. Service des commissions et études. Texte coordonné du 17 février 1994 (кроме французского имеются также нидерландский и немецкий варианты).
- Neri Sybesma-Knol. Enige volkenrechtelijke vragen rond de Nederlandse Taalunie (Nederlandse Taalunie. Voorzeten 10). Stichting Bibliographia Neerlandica, Gravenhage. 1987.
- Omer Vandeputte. Nederlands. Het verhaal van een taal. Vlaams-Nederlandse «Stichting Ons Erfdeel vzw». 1986.
- Oostendorp Marc van. Nieuwe woorden. NRC Handelsblad 26.11.1998.
- Sanders Ewoud. Meer dan elfduizend woorden. Ibid.
- Sijs Nicoline van der. Leenwoorden. Ibid.
- Spelling en spellingregeling. Wettelijke en bestuurlijke aspecten (Nederlandse Taalunie, voorzeten 3).
- Taal en Identiteit: Afrikaans en Nederlands. Voordragte gehou in die Pieterskerk, Leiden 23–24 junie 1992 onder beskerming van die Afrika studiecetram (byeengebring en ingelei deur Vernon February). Tafelberg, Kaapstad. 1994, pp. 198–199.
- Taalzorg: Overheid en Burger II (Nederlandse Taalunie. Voorzeten 27). Stichting Bibliographia Neerlandica, «s-Gravenhage, 1990.
- Tekstuitgave Algemene wet bestuursrecht. 1997.
- Verkuyt Henk. Als Mulisch topauteur is, wordt hij in 2008 nog gelezen. Ibid.
- Wet op het hoger onderwijs en het wetenschappelijk onderzoek. Eerste ministerie: Onderwijs, Cultuur en Wetenschappen. 1998.
- Wet op het primair onderwijs. Eerste ministerie: Onderwijs, Cultuur en Wetenschappen. 1998.
- Wet op het voortgezet onderwijs. Eerste ministerie: Onderwijs, Cultuur en Wetenschappen. 1998.

Валеры Писарек

КОММЕНТАРИЙ К ЗАКОНУ «О ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ»

1. Юридический статус польского языка
во второй Речи Посполитой

Действующий в настоящее время Закон «О польском языке», который был принят 7 октября 1999 г. и вступил в силу 8 мая 2000 г., продолжает традицию правового регулирования всей сферы языкового общения, в том числе юридического закрепления особого статуса польского языка в Республике Польша. Обретение Польшей в 1918 году независимости было связано с объединением трех ее частей, которые более столет входили в состав трех государств-захватчиков: России, Пруссии и Австрии. Официальными языками на польских землях были русский язык (на землях, входивших в империю Романовых) и немецкий язык (на землях, входивших в Пруссию). Исключением являлись лишь земли Галиции, входившие в состав Австро-Венгрии, в которой после получения ею автономии польский язык был введен в школах и государственных учреждениях в 1867–1869 гг.

Едва ли не первым в возрождающейся стране юридическим актом, придающим польскому языку особый статус, было постановление познанского Комиссариата Верховного Народного Совета (ВНС) от 15 мая 1919 г.¹ В соответствии со статьей 1 этого постановления, «официальным языком всех органов, учреждений и административных объединений на территории, находящейся под управлением познанского Комиссариата ВНС, является польский язык». Правда, статья 2 предусматривала, что «в случае необходимости разрешается пользоваться немецким языком во вспомогательных целях», и определяла, кто может «дать разрешение на использование немецкого языка во вспомогательных целях». В то же время статья 3 однозначно перечеркивала немецкое языковое законодательство: «Прусский закон от 28.8.1876 г. отменяется. Везде, где иные действующие немецкие или прусские законы предусматривают использование немецкого языка, его место занимает польский язык». Это регулирование законов сохранялось (с небольшими изменениями) в Познанском и Поморском воеводствах в течение всего межвоенного двадцатилетия.

¹ Tygodnik Urzędowy 1919, nr 12, s. 56.

В начале 1923 г. Сейм Силезии принял закон «Об официальном языке на территории силезского воеводства»²; через четырнадцать лет его заменил новый закон от 16 июля 1937 г. «Об официальном языке органов власти и административных учреждений на территории силезского воеводства»³. Он во многом напоминал постановление Познанского комиссариата ВНС. В статье 1 этого закона говорилось, что «официальным языком всех гражданских органов власти, учреждений, предприятий государственного управления, как правительственных, так и органов местного и хозяйственного самоуправления, а также административных судебных органов на территории силезского воеводства является польский язык как язык государственный». А статья 2, как и познанское постановление, допускала, что «если этого требуют обстоятельства, разрешается использовать во вспомогательных целях немецкий язык для внешнего употребления».

Упоминание в статье 1 силезского закона о польском языке как государственном основывалось на принятом сеймом Польской Республики 31 июля 1924 г. законе «О государственном языке и официальном языке правительственных административных органов и органов самоуправления»⁴. В нем нашли яркое отражение многоязычие второй Речи Посполитой и ее дифференциация, явившаяся результатом разделов. Так, в статье 1 этого закона говорилось, что «государственным языком Польской Республики является польский язык. Государственный язык используют все государственные органы власти и административного управления, а также органы самоуправления как для внутренних, так и для внешних целей, кроме случаев, предусмотренных в последующих статьях». Из «последующих статей» следует, что государственные органы были обязаны принимать письменные и устные заявления «от польских граждан русской (русинской), белорусской и литовской национальностей также на их родном языке: от русинов — на территории Львовского, Тарнопольского, Станиславовского, Волынского и Полесского воеводств; от белоруссов — на территории Полесского, Новогородского, Виленского воеводств, а также Гродненского и Волковысского повятов Белостокского воеводства; наконец, от литовцев — на территории Свентяцкого повята и гмин, где литовское население составляет большинство бывшего Трокайского повята в Виленском административном округе». Кроме того, в трех западных воеводствах (Поморском, Познанском и Силезском) действовали отдельные, вышеупомянутые законодательные нормы. Таким образом, из семнадцати воеводств (вместе с Варшавой) в одиннадцати закон предусматривал в особых случаях возможность употребления двух языков.

Статус польского языка как официального языка судопроизводства гарантировал во второй Речи Посполитой закон «О языке делопроизводства в судах, прокуратурах и нотариальных конторах»⁵. Этот закон, при-

² Dziennik Ustaw Śląskich 1923, nr 5, poz. 34.

³ Dziennik Ustaw Śląskich 1937, nr 14, poz. 32.

⁴ Dziennik Ustaw 1924, nr 73, poz. 724.

⁵ Dziennik Ustaw 1924, nr 73, poz. 756.

нятый одновременно с законом о государственном языке, предусматривал такие же отступления от принципа применения польского языка как единственно возможного языка во внутреннем и внешнем судопроизводстве и делопроизводстве, в судах и прокуратурах, касавшиеся тех же национальных меньшинств и тех же территорий.

2. Юридический статус польского языка после Второй мировой войны

Правовое регулирование вопросов, связанных с использованием языка во второй Речи Посполитой, было прекращено декретом от 30 ноября 1945 г. «О государственном языке и официальном языке» в государственных административных органах и органах самоуправления⁶. Этот лаконичный документ состоит всего лишь из трех статей, последняя из которых носит формальный характер, а первые две дословно повторяют формулировки закона от 1924 г. Этот декрет вводил в законодательство Польской Республики принцип исключительности польского языка как языка работы органов государственной власти и органов самоуправления, что отражало концепцию однородного в национальном отношении государства без национальных меньшинств.

Декрет от 30 ноября 1945 г. сохранился без изменений до девяностых годов. Почти через полвека с момента его издания участники конференции, организованной во Вроцлаве (12–14 октября 1995 г.) Комитетом по языкознанию Польской академии наук, внесли в Министерство культуры и искусства предложение организовать работу над проектом закона о польском языке.

Эта идея была принята в атмосфере доброжелательности, на что положительное влияние оказала подготовленная Высшей контрольной палатой в октябре 1996 г. «Справка об использовании польского языка как государственного в работе субъектов, контролируемых ВКП». На ее основе председатель ВКП 10 октября 1996 г. внес в Конституционный трибунал предложение «об установлении обязательного для всех толкования статьи 1 декрета от 30 ноября 1945 г. о государственном языке». Конституционный трибунал, заседая в полном составе под председательством Анджея Золя, ответил на это предложение Постановлением от 14 мая 1997 г., в котором дал следующее расширенное толкование этой статьи:

«В понятие “все государственные органы власти и административного управления, а также органы местного самоуправления” <...> входят:

а) конституционные государственные органы, указанные в 3 и 4 разделах статьи 1 Конституционного закона от 17 октября 1992 г. <...>, а также в разделах 1, 4 и 7 конституционного положения, оставленного в силе на основании статьи 77 принятой Конституции;

⁶ Dziennik Ustaw 1945, nr 57, poz. 324.

б) органы местного самоуправления, о которых говорится в 5 разделе Конституции <...>, и подчиняющиеся им учреждения и организации в объеме выполнения ими общественных задач;

в) местные органы общегосударственного управления, указанные в законе от 22 марта 1990 г. <...>;

г) учреждения и организации, созданные на основе законов для реализации определенных общественных задач;

д) органы, учреждения и институты, подчиняющиеся органам, указанным в пунктах а) и в) <...> в объеме выполнения ими общественных задач;

е) органы самоуправления, отличные от органов местного самоуправления, а также общественные, профессиональные, кооперативные организации и другие субъекты, выполняющие порученные им по закону административные задачи»⁷.

Эти определения Конституционного трибунала через два года нашли свое отражение в содержании статьи 4 нового закона о польском языке.

За это время юридический статус польского языка в сфере языкового общения принципиально менялся. Так, 15 июля 1994 г. выходит распоряжение министра сельского хозяйства и пищевой промышленности относительно маркировки продуктов питания, разрешенных пищевых добавок и усилителей вкуса, предназначенных для продажи. Параграф 9 этого распоряжения гласит: «1. Маркировка продуктов питания производится на польском языке. Она должна быть разборчивой, понятной, заметной и нестираемой. 2. Если маркировка дана на иностранном языке, необходима дополнительная маркировка на польском языке (см. пункт 3)»⁸. Спустя несколько месяцев, а именно 30 мая 1995 г., вышло распоряжение Совета министров об особых условиях заключения и реализации договоров по продаже движимого имущества с участием потребителей. В 1 пункте параграфа 7 этого распоряжения говорится: «К товару, предназначенному на продажу [...], должна быть прикреплена этикетка на польском языке, дающая потребителю возможность правильного и полного использования данного товара». А в параграфе 12 того же распоряжения добавляется: «Продавец обязан предоставить потребителю вместе с товаром <...> составленную на польском языке инструкцию по обслуживанию и хранению товара, информацию о его потребительских свойствах <...>, а в случае товаров, продаваемых с гарантией, также правильно заполненный гарантийный документ (гарантию).

⁷ Dziennik Ustaw 1997, nr 53, poz. 346.

⁸ В пункте 3 оговаривается, что «Положение пункта 2 не касается 1) импортируемых вин, водки, пива, кофе, чая и табачных изделий в фирменной упаковке (за исключением предупреждения о вреде курения табака и информации об уровне содержания в нем смол и никотина), 2) продуктов питания, указанных в пункте 1, предназначенных для экспорта, но направленных на внутренний рынок». (Dz. U. 1994, nr 86, poz. 402).

3. Польский язык из языка государственного становится официальным языком

Как закон от 31 июля 1924 г., так и декрет от 30 ноября 1945 г., а следовательно, и постановление Конституционного трибунала от 14 мая 1997 г. признавали за польским языком статус **государственного**. Но уже в Конституции Республики Польша от 6 апреля 1997 г. в статье 27 говорится: «В Республике Польша официальным языком является польский язык. Это положение не нарушает прав национальных меньшинств, закрепленных в ратифицированных международных договорах». В соответствии с этим положением действующий закон о польском языке трактует его как язык **официальный**.

Работа над этим законом продолжалась четыре года, т.к. менялись министры, менялись правительства и даже состав Сейма и Сената. Она началась, когда у власти находилась коалиция партий СЛД (Союз левых демократичней) и ПСЛ (Польске стронництво людове), а закончилась в период руководства страной партиями АВС (Акция wyborcza solidar-nosc) и УВ (Уния вольности). Окончательно закон в соответствии с его правительственным проектом был принят 7 октября 1999 г. и вступил в силу 8 мая 2000 г. Закон направлен на то, чтобы обеспечить присутствие польского языка в общественной жизни, а не на защиту его чистоты и правильности. От положений декрета от 30 ноября 1945 г. его отличает большая либерализация, т.к. он открывает возможности для сосуществования польского языка с языками национальных меньшинств и этнических групп. Закон требует, однако, применения польского языка не только в работе учреждений и организаций, указанных в цитируемом выше постановлении Конституционного трибунала, но и других субъектов, решающих общественные задачи на территории Республики Польша.

Международные договоры, заключаемые Польшей, должны иметь польскую языковую версию. Кроме того, закон требует использования польского языка в «правовом обороте», т. е. в торговле; польский язык является языком преподавания в публичных и непубличных школах всех типов, в том числе государственных и негосударственных высших учебных заведений. В соответствии с законом, все надписи, «предназначенные для общественных мест», должны быть составлены на польском языке (возможен одновременный перевод на иностранный язык).

По сравнению со всеми предыдущими юридическими положениями, касающимися использования польского языка, совершенно новым в законе о польском языке 1999 года является создание — предписанное законом — Совета по польскому языку как органа, призванного высказывать свое мнение по вопросам использования языка и принимать решение по вопросам орфографии и пунктуации. Кроме того, Совету по польскому языку поручено раз в два года составлять отчет о состоянии польского языка для Сейма и Сената.

4. Органы, отвечающие за соблюдение закона «О польском языке»

В соответствии с пунктом 2 статьи 3 этого Закона «охранять польский язык призваны все органы власти, а также учреждения и организации, участвующие в общественной жизни». Однако некоторых из них Закон наделяет особыми полномочиями. Помимо Совета по польскому языку, сюда входят: министр по делам просвещения и воспитания, который путем издания распоряжений определяет условия выдачи иностранцам соответствующих свидетельств (или так называемых сертификатов), подтверждающих их знание польского языка; министр по делам общественного управления, который путем издания распоряжений определяет условия размещения названий и текстов на иностранных языках, предназначенных для общественного пользования; Торговая инспекция и Управление по защите конкуренции и прав потребителей, осуществляющие контроль за использованием польского языка в торговле; общественные радио и телевидение, призванные следить «за чистотой языка в своих программах» и «расширением знаний о польском языке», а также журналисты, которые должны «заботиться о чистоте языка и избегать употребления вульгаризмов», и главные редакторы периодических изданий, обязанностью которых является «забота о сохранении чистоты языка в материалах прессы и противодействие вульгаризации польского языка».

5. Языки национальных меньшинств и этнических групп

Хотя закон «О польском языке» от 7 октября 1999 г. специально не регулирует вопросов о языках национальных меньшинств и этнических групп, но его статья 2 провозглашает, что «закон не нарушает <...> прав национальных меньшинств и этнических групп». Права в отношении языка этих меньшинств охраняются в Польше, во-первых, нормами международного права, во-вторых, соглашениями, заключенными Польшей с соседними странами, в-третьих, нормами внутреннего законодательства.

Из норм международного права вытекают обязательства Польши, предусмотренные Международным договором о защите гражданских и политических прав от 1966 г., который Польша ратифицировала в 1976 г.⁹, а также Конвенцией о правах ребенка 1989 г. Участие Польши в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ, ранее СБСЕ) предусматривает соблюдение Польшей пункта 19 Заключительного акта ОБСЕ, подписанного представителями государств-участников во время очередной встречи, состоявшейся в 1989 г. в Вене (в нем речь идет о защите и создании условий развития языковой самобытности национальных меньшинств), а также пункта 32 Заключительного акта встречи в Копенгагене в

⁹ В соответствии со статьей 27 этого Договора «ни одно из лиц, принадлежащее к меньшинствам, не может быть лишено права пользоваться своим языком».

1990 г. по вопросам соблюдения прав человека, в том числе возможности свободно выражать, сохранять и развивать свою языковую самобытность без попыток ассимиляции. Кроме того, в Польше действует Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принятая ООН 18 декабря 1992 г.

Законом, принятым 27 апреля 2000 г., Польша ратифицировала рамочное Соглашение о защите прав национальных меньшинств, составленное в Страсбурге 1 февраля 1995 г. Кроме того, в «Дзенике устав» Республики Польша (2002, № 22) было опубликовано правительственное Заявление от 15 октября 2001 г. о действии этого Соглашения.

В Польше языковые права некоторых национальных меньшинств регулируются двусторонними международными соглашениями, заключенными Польшей с Чехией, Германией и Словакией, согласно которым «представители меньшинств <...> имеют право — в индивидуальном порядке или совместно с другими членами своего речевого коллектива — свободно пользоваться родным языком в личной и общественной жизни». Аналогичные соглашения с Белоруссией, Литвой и Украиной гарантируют представителям этих меньшинств те же права¹⁰. Двусторонние международные соглашения определяют также право изучать родной язык говорящего на нем меньшинства и вести преподавание на языке этого меньшинства в публичных школах, а также право открывать собственные школы лицами, принадлежащими к национальному меньшинству. Соглашения, заключенные с Белоруссией, Литвой, Германией и Украиной, гарантируют национальным меньшинствам права свободы вероисповедания и отправления религиозного культа, а также проведения религиозного обучения на родном языке.

Однако ни одно из указанных выше соглашений не признает за меньшинствами (кроме исключительных ситуаций) права пользоваться своим языком в контакте с учреждениями, а также публично использовать местные и топографические названия, принятые в языках национальных меньшинств, даже если эти меньшинства составляют на данной территории значительный процент населения. Данная ситуация может, однако, измениться в самое ближайшее время, возможно уже в этом году, если будет принят закон о национальных меньшинствах и этнических группах. Пока же вопрос использования местных названий регулируется действующим распоряжением президента Республики Польша от 1934 г., в соответствии с которым «в сфере общественных отношений разрешается использовать местные названия исключительно в их официальной версии».

Вопросы обучения языкам национальных меньшинств и на языках меньшинств регулируются — кроме вышеуказанных двусторонних со-

¹⁰ «В индивидуальном порядке или совместно с другими членами своего речевого коллектива свободно пользоваться родным языком в личной и общественной жизни». Цит. по: W. Kajtoch. Języki mniejszości narodowych w Polsce // *Polszczyzna* 2000. Orędzie ostatnie języka na przełomie tysiącleci / Pod red. W. Pisarka. Kraków 1999, s. 280.

глашений — нормами внутреннего законодательства. Например, закон «О системе образования и просвещения» от 7 сентября 1991 г. возлагает на публичную школу обязанность предоставления ученикам возможности сохранения своей национальной, этнической, языковой и религиозной принадлежности. Более подробно обязанности учебных заведений в этой области регламентирует распоряжение министра национального образования от 24 марта 1992 г. об организации обучения, направленного на сохранение у учащихся, принадлежащих к национальным меньшинствам, своей национальной, этнической и языковой принадлежности.

После Второй мировой войны и массовых переселений 1945–1947 гг. Польша превратилась в страну с относительно однородным по своей национальной и языковой принадлежности составом населения. В 2001 г. доля национальных и этнических меньшинств, а следовательно, и языков, по отношению к общей численности населения Польши составляла около 2,5%. Эту цифру образуют коренные носители следующих языков (в скобках указано их примерное количество): белорусского (250 тыс.), чешского (2 тыс.), иврита и идиш (10 тыс.), литовского (25 тыс.), немецкого (350 тыс.), русского (2 тыс. старообрядцев), словацкого (25 тыс.), украинского (220 тыс.), а также носители языков других коренных малочисленных народов — лемков (80 тыс.) и цыган (25 тыс.).

6. Отношение к заимствованиям

Общественное недовольство чрезмерным использованием иностранной лексики, в особенности американизмов, выражают, прежде всего в адрес СМИ, читатели, радиослушатели и телезрители. Присутствие лексических заимствований особенно сильно ощущается в таких сферах их употребления, как питание, гигиена, мода, развлечения, техника, экономика, обозначение профессий и должностей.

Часто слышатся упреки во вторичной англизации лексем, уже давно усвоенных польской языковой системой, английском произношении классических греческих и латинских имен и названий, заилии иностранных слов, написанных вопреки правилам польской орфографии, что приводит к отрицательным последствиям. Предметом критики бывает распространяемая органами государственного управления и законодательными органами иностранная — и потому непонятная большей части общества — терминология, например, такие слова как *leasing* ('тип аренды'), налог на добавленную стоимость *VAT* (= *Value Added Tax*) или налоговая декларация *PIT* (= *Personal Income Tax*). Чрезмерное использование иностранных слов усиливает явление, получившее определение «функциональной безграмотности».

Критически оценивая — с точки зрения эффективности коммуникации — чрезмерное насыщение многих текстов общественного назначения излишними новыми заимствованиями из других языков, большинство польских лингвистов не разделяет опасений дилетантов относительно ка-

чества польского языка¹¹. Наблюдаемое сегодня нашествие американизмов языковеды объясняют обычно как преходящую моду, с которой польский язык справится подобно тому, как справился он когда-то с волной галлизмов и германизмов. В то же время предметом серьезных опасений, по крайней мере части польских лингвистов, являются возможные последствия неиспользования польского языка в определенных областях, связанных с наукой, трудовой деятельностью и сферой развлечений. Ставится вопрос о том, что исключение языка из какой-либо области делает невозможным развитие языковых средств, необходимых для обслуживания этой области. Это ведет к явлению «утраты сфер» [*loss of domains*] языком, которое уже наблюдается в некоторых западноевропейских языках.

¹¹ Ср., например: A. Markowski. Jawne i ukryte zapożyczenia leksykalne w mediach // *Język w mediach masowych* / Pod red. J. Bralczyk, K. Misiołek-Kłosinskiej. Warszawa, 2000. S. 96–111.

Приложение

ЗАКОН от 7 октября 1999 года
«О ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ»*

Сейм Республики Польша:

- руководствуясь тем, что польский язык является основным элементом национальной принадлежности и достоянием национальной культуры,
- основываясь на историческом опыте, когда борьба захватчиков и оккупантов с польским языком была орудием искоренения национального самосознания,
- считая необходимым сохранение национальной идентичности в процессе глобализации,
- считая, что польская культура вносит вклад в построение общей многокультурной Европы, а сохранение и развитие этой культуры возможно только при сохранении польского языка,
- считая, что его охрана является обязанностью всех государственных и общественных учреждений и организаций Республики Польша, а также ее граждан, принимает настоящий Закон.

РАЗДЕЛ 1

Общая часть

Статья 1. Нормы Закона касаются защиты польского языка и его использования во всех сферах общественной жизни и в правоприменительной практике на территории Республики Польша.

Статья 2. Закон не нарушает:

- 1) законодательных актов, регулирующих взаимоотношения государства и Церкви, а также иных религиозных объединений, в особенности в части отправления культа и религиозных практик,

- 2) прав национальных меньшинств и этнических групп.

Статья 3. 1. Защита польского языка предусматривает:

- 1) заботу о его правильном употреблении и совершенствовании владения языком его пользователями, а также создание условий для надлежащего развития языка как инструмента межличностного общения,
- 2) противодействие его вулгаризации,
- 3) расширение знаний о нем и его роли в польской культуре,
- 4) уважительное отношение к региональным языкам и местным диалектам, а также противодействие их исчезновению,
- 5) распространение польского языка в мире,
- 6) поддержку изучения польского языка в стране и за ее пределами.

2. Осуществлять защиту польского языка призваны все органы власти, а также учреждения и организации, участвующие в общественной жизни.

3. Министр по делам просвещения и воспитания путем издания соответствующих распоряжений устанавливает принципы проведения государственных экзаменов по польскому языку для иностранцев, желающих получить официальное подтверждение о его знании.

Статья 4. Польский язык является официальным языком:

- 1) конституционных государственных органов,

* См.: Dziennik Ustaw, 1999, nr 90, poz. 999.

2) органов местного самоуправления и находящихся в их подчинении учреждений и организаций в объеме выполняемых ими общественных задач,

3) местных административных органов,

4) учреждений и организаций, выполняющих определенные общественные задачи,

5) органов, учреждений и организаций, находящихся в подчинении органов, упомянутых в пунктах 1 и 3 настоящей статьи, и созданных с целью реализации задач этих органов, а также органов государственных юридических лиц в объеме выполнения ими общественных задач,

6) органов самоуправления, отличных от органов местного самоуправления, а также органов общественных, профессиональных, кооперативных организаций и иных субъектов при исполнении ими общественных задач.

РАЗДЕЛ 2

Юридическая защита польского языка в общественной жизни

Статья 5. 1. Субъекты, выполняющие общественные задачи на территории Республики Польша, отправляют все официальные функции на польском языке, если иное не предусмотрено Законом и иными правовыми актами.

2. Норма пункта 1 настоящей статьи применяется соответственно при обращениях, направляемых органам, указанным в статье 4.

Статья 6. Международные договоры, заключаемые Республикой Польша, должны содержать перевод текста на польский язык, являющийся основой для его толкования, если иное не предусмотрено Законом и иными правовыми актами.

Статья 7. 1. Польский язык используется в правоприменительной практике на территории Республики Польша во взаимоотношениях между польскими субъектами, либо когда одна из сторон является польским субъектом. В особенности это касается наименований товаров и услуг, ofert, рекламы, инструкций по использованию товаров, информации о потребительских свойствах товаров и услуг, условий гарантии, фактур, счетов и квитанций.

2. Под польским субъектом Закон понимает:

- 1) физическое лицо, проживающее на территории Республики Польша,
- 2) юридическое лицо или организацию, не имеющих статуса юридического лица, и осуществляющих деятельность на территории Республики Польша.

3. Использование в правоприменительной практике на территории Республики Польша исключительно иностранных определений, кроме имен собственных, запрещается.

4. Описание товаров и услуг на иностранных языках, а также oferty и рекламы на иностранных языках, используемые в правоприменительной практике в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, даются также на польском языке.

5. Контроль за исполнением обязательств, вытекающих из пунктов 1, 3 и 4 настоящей статьи, осуществляет Торговая инспекция, а также Управление по защите конкуренции и прав потребителей.

Статья 8. 1. Если сторона договора, выполнение которого должно осуществляться на территории Республики Польша, является польским субъектом, договор составляется на польском языке.

2. Договор, составленный на польском языке, может сопровождаться текстом на иностранном / иностранных языках. Если стороны не приняли иного решения, основой для толкования такого договора является текст на польском языке.

3. К договорам, заключенным в нарушение пунктов 1 и 2 настоящей статьи, применяются соответственно параграф 1 (первое предложение) статьи 74 и параграф 2 статьи 74 Гражданского кодекса; договор, составленный на иностранном языке, не является основанием для признания факта совершения юридического действия в силу параграфа 2 статьи 74 Гражданского кодекса.

Статья 9. Польский язык является языком, на котором ведется обучение, осуществляется прием экзаменов и защита дипломных работ в публичных и непубличных школах всех типов, государственных и негосударственных вузах, а также учреждениях системы просвещения и образования, если иное не предусмотрено Законом и иными правовыми актами.

Статья 10. 1. Надписи и информация, размещаемые в общественных учреждениях и организациях, а также других общественных местах и на общественном транспорте, составляются на польском языке.

2. Названия и тексты на польском языке могут сопровождаться переводом на иностранный язык в случаях и пределах, определенных распоряжениями министра по делам общественного управления.

Статья 11. Положения статей 5–7, а также 9 и 10 не затрагивают:

- 1) имена собственные,
- 2) газеты, журналы, книги и компьютерные программы на иностранных языках, за исключением их описаний и инструкций,
- 3) преподавательскую и научную деятельность в вузах, школах и классах с преподаванием на иностранном языке или двуязычных, педагогических училищ иностранных языков, а также обучение другим предметам, если это соответствует специальным нормам,
- 4) научную деятельность и художественное творчество,
- 5) принятую научную и техническую терминологию,
- 6) товарные знаки, торговые названия, а также обозначение происхождения товаров и услуг.

РАЗДЕЛ 3

Совет по польскому языку и его компетенция

Статья 12. 1. Экспертно-консультативным органом по вопросам использования польского языка является Совет по польскому языку, именуемый далее Совет, действующий в качестве комитета по данному вопросу в понимании статьи 34 закона от 25 апреля 1997 г. «О Польской академии наук» («Дзенник устав» № 75 поз. 469 и № 141 поз. 943, а также за 1999 г. № 49, поз. 484).

2. Совет не реже одного раза в два года представляет в Сейм и Сенат отчет по вопросу защиты польского языка в понимании статьи 3.

Статья 13. 1. Совет по предложению министра культуры и министра просвещения и воспитания, президента Польской академии наук или по собственной инициативе выносит заключения в форме решений об использовании польского языка в сферах общественной жизни и правоприменительной практике, а также устанавливает нормы орфографии и пунктуации польского языка.

2. Научные и творческие объединения, а также вузы вправе обращаться в Совет по вопросам использования польского языка.

Статья 14. 1. Органы, перечисленные в статье 4, вправе прибегать к мнению Совета, если в ходе осуществления ими служебных полномочий у них возникают серьезные сомнения, касающиеся использования польского языка.

2. Производитель, импортер или дистрибьютор товара или услуг в случае отсутствия в польском языке соответствующего наименования может обратиться в Совет за рекомендацией о выборе соответствующей языковой формы для обозначения этого товара или услуги.

РАЗДЕЛ 4

Уголовно-правовые нормы

Статья 15. 1. Лица, использующие в правоприменительной практике на территории Республики Польша исключительно иностранные наименования товаров и услуг, ofert, реклам, инструкций по использованию, информации о потребительских свойствах товаров и услуг, условий гарантии, фактур, счетов и квитанций без перевода на польский язык, подвергаются денежному штрафу.

2. В случае применения штрафных санкций за нарушения, предусмотренные в пункте 1 настоящей статьи, возможно наложение штрафа в размере, не превышающем 100 000 злотых, с последующей передачей его в Фонд развития творческой деятельности в соответствии со статьей 111 Закона «Об авторском праве и смежных правах» от 4 февраля 1994 г. («Дзенник устав» № 24, поз. 83 и № 43, поз. 170, а также за 1997 г. № 43, поз. 272 и № 88, поз. 554).

РАЗДЕЛ 5

Изменения в действующем законодательстве и заключительные положения

Статья 16. В закон «О прессе» от 26 января 1984 г. («Дзенник устав» за 1984 г. № 5 поз. 24, за 1988 г. № 41 поз. 324, за 1989 г. № 34 поз. 187, за 1990 г. № 29 поз. 173, за 1991 г. № 100 поз. 442, за 1996 г. № 114 поз. 542, а также за 1997 г. № 88 поз. 554 и № 121 поз. 770) вносятся следующие изменения:

1) в статье 12.1 пункт 2 в конце точку заменить запятой и добавить пункт 3 в следующей редакции: «3) заботиться о сохранении чистоты языка и избегать использования вульгаризмов»;

2) статью 25.4 дополнить вторым предложением в следующей редакции: «Обязан также заботиться о сохранении чистоты языка в материалах прессы и противодействовать его вульгаризации».

Статья 17. В закон «О радиовещании и телевидении» от 29 декабря 1992 г. («Дзенник устав» за 1993 г. № 7 поз. 34, за 1995 г. № 66 поз. 335 и № 142 поз. 701, за 1996 г. № 106 поз. 496, а также за 1997 г. № 88 поз. 554 и № 121 поз. 770) вносятся следующие изменения:

1) статью 18 дополнить пунктом 5 в следующей редакции:

«5. Лица, ответственные за передачу теле- и радиопрограмм, призваны заботиться о чистоте языка своих программ и противодействовать его вульгаризации».

2) статью 21.1 дополнить пунктом 6а в следующей редакции:

«6а) распространение знаний о польском языке».

Статья 18. Утрачивает силу декрет «О государственном языке и языке работы органов государственной власти и органов административного самоуправления» от 30 ноября 1945 г. («Дзенник устав» № 57 поз. 324).

Статья 19. Закон вступает в силу по истечении 6 месяцев со дня опубликования.

Президент Республики Польша: А. Квасьневский